

Жареные зеленые помидоры в кафе

«Полустанок»

Автор:

Фэнни Флэгг

Жареные зеленые помидоры в кафе «Полустанок»

Фэнни Флэгг

Если приблизить этот томик к уху, то наверняка можно услышать чей-то смех, плач, разговоры, шум поезда, шорох листвы, звяканье вилок и ложек. Прислушайтесь к звукам, пробивающимся через обложку, и вы узнаете историю одного маленького американского городка, в котором, как и везде в мире, переплелись любовь и боль, страхи и надежды, дружба и ненависть. История эта будет рассказана с такой искренностью, что запомнится на долгие годы, и роман Фэнни Флэгг станет одной из самых любимых книг – как стал он для очень многих во всем мире.

Иджи всегда была сорванцом с обостренным чувством справедливости. Такой она и осталась, когда выросла и вместе с любимой подругой открыла кафе «Полустанок», в котором привечает всех, бедных и зажиточных, черных и белых, веселых и печальных. Истории, что происходят с Иджи и ее близкими, иногда до боли реалистичны, а порой они совершенно невероятны, но всегда затягивают, заставляя переживать так, будто все это происходит в реальной жизни. Ибо великий роман Фэнни Флэгг и есть сама жизнь.

«Жареные зеленые помидоры» – настоящая классика, один из лучших американских романов XX века. Исключительно добрая, тонкая книга, пропитанная любовью к людям, юмором и легкой грустью. Несомненный шедевр.

Озон

Фэнни Флэгг – из тех немногих писателей, чьи мудрые и поэтичные книги оставляют долгое и изумительно приятное послевкусие. Обаятельная, смешная и щемяще-проникновенная проза Фэнни Флэгг – универсальное средство от хандры. С наслаждением вживаясь в уютный мир ее романов, сводя короткое знакомство с живыми и узнаваемыми персонажами, мы получаем отличный шанс на время забыть о тревогах и трудностях, окружающих нас в реальной жизни.

Psychology

«Жареные зеленые помидоры» заслуженно вошли в список главных женских книг XX века.

Коммерсант

Этот роман можно читать и просто для отдыха, и ради серьезных философских раздумий. Или для того, чтобы вспомнить: на закат можно смотреть хоть каждый вечер, причем бесплатно, и он всегда разный.

Литературная газета

Фэнни Флэгг

Жареные зеленые помидоры в кафе «Полустанок»

Fannie Flagg

Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Cafe

Книга издана с любезного согласия автора и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Copyright © 1987 by Fannie Flagg

© Дина Крупская, перевод, 2010

© Фантом Пресс, оформление, 2014

© Фантом Пресс, издание, 2010, 2011, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

«Жареные зеленые помидоры» – настоящая классика, один из лучших американских романов XX века. Исключительно добрая, тонкая книга, пропитанная любовью к людям, юмором и легкой грустью. Несомненный шедевр.

Озон

Фэнни Флэгг – из тех немногих писателей, чьи мудрые и поэтичные книги оставляют долгое и изумительно приятное послевкусие. Обаятельная, смешная и щемяще-проникновенная проза Фэнни Флэгг – универсальное средство от

хандры. С наслаждением вживаясь в уютный мир ее романов, сводя короткое знакомство с живыми и узнаваемыми персонажами, мы получаем отличный шанс на время забыть о тревогах и трудностях, окружающих нас в реальной жизни.

Psychology

«Жареные зеленые помидоры» заслуженно вошли в список главных женских книг XX века.

Коммерсант

Этот роман можно читать и просто для отдыха, и ради серьезных философских раздумий. Или для того, чтобы вспомнить: на закат можно смотреть хоть каждый вечер, причем бесплатно, и он всегда разный.

Литературная газета

Благодарность

Я хочу выразить огромную признательность тем людям, которые оказали мне неоценимую помощь и поддержку, когда я писала эту книгу. Прежде всего это относится к моему литературному агенту Венди Уэйл, которая никогда не теряла веры в меня, редактору Сэму Вогену – за его заботу и внимание и за минуты хохота в процессе работы над текстом – и Марте Левин из «Рэндом хаус», ставшей моей ближайшей подругой. Я благодарю также Глорию Сейфер, Лиз Нок, Маргарет Кафарелли, Анну Бейли, Джулию Флоренс, Джеймса Хэтчера, доктора Джона Никсона, Джерри Ханна, Джея Сойера и Фрэнка Селфа. Компания «Де Томас, Бобо энд ассошиейтс» помогла мне в нелегкие времена нужды. Я благодарна Барнаби и Мэри Конрад из Ассоциации писателей Санта-Барбары, Джо Рой из Бирмингемской публичной библиотеки. Джеффу Нореллу из Бирмингемского южного колледжа, Энн Харви и Джону Локу из издательства «Оксмур хаус паблишинг». Огромное спасибо моей помощнице и машинистке Лизе Макдональд и ее дочери Джесси, которая спокойно сидела и смотрела

сериал «На улице Сезам», пока мы с ее мамой работали. И особую благодарность я шлю всем милым моей душе жителям Алабамы – сердца моего, дома моего.

Томми Томпсону

«Плоть моя обитает в приюте для престарелых “Розовая терраса” но сердце и мысли так и остались в кафе “Полустанок” где на обед подают жареные зеленые помидоры...»

Из размышлений миссис Вирджинии Тредгуд в приюте «Розовая терраса»,
июнь 1986 г.

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

12 июля 1929 г.

НОВОЕ КАФЕ

На прошлой неделе по соседству со мной, рядом с почтой, открылось кафе «Полустанок». Его хозяйки – Иджи Тредгуд и Руфь Джеемисон, – кажется, довольны: дело потихоньку налаживается. Иджи просит знакомых не беспокоиться, что здесь их отравят: сама она не готовит, на кухне заправляют две негритянки, Сипси и Онзелла, а за барбекю персонально отвечает муж Онзеллы, Большой Джордж.

Тем, кто еще не успел заглянуть в кафе, Иджи сообщает: завтрак здесь подают с 5.30 до 7.30. Вы можете заказать яйца, овсянку, сухарики, бекон, колбасу, ветчину под острым томатным соусом и кофе – все это обойдется вам в 25

центов.

На обед и ужин вас ждут свиная отбивная с подливкой, жареный цыпленок, зубатка, курица с клецками или барбекю. Кроме того, можно взять овощи, сухарики или кукурузный хлеб плюс десерт и кофе – за все про все 35 центов.

Иджи говорит, что из овощных блюд вам предложат кукурузу под белым соусом, жареные зеленые помидоры, жареную окру, капусту или репу, коровий горох, сладкий батат, каролинские бобы или лимскую фасоль. А на сладкое – пирог.

Мы с моей дражайшей половиной, Уилбуром, вчера там обедали, и было так вкусно, что он заявил: «Все, дома больше не ем». Ха-ха! Хорошо, коли так. А то я не вылезаю из кухни, стряпая для этого проглота, и все никак не могу накормить его досыта.

Кстати, Иджи уверяет, что одна из ее кур снесла яйцо с десятидолларовой бумажкой внутри.

Дот Уимс

Приют для престарелых «Розовая терраса»

Старое шоссе Монтгомери, Бирмингем, штат Алабама

15 декабря 1985 г.

Сегодня Эвелин Коуч снова пришлось ехать с мужем в «Розовую террасу» навещать Большую Маму – его мать. Свекровь ее терпеть не могла, и Эвелин быстренько удрала от них в зал для посетителей, чтобы в тишине и покое полакомиться припасенными сладостями. Но как только она устроилась поудобнее, старушка в соседнем кресле ни с того ни с сего заговорила:

– Если вы меня спросите, в каком году такой-то или такой-то женился, на ком женился и в чем была мать невесты, я в девяти случаях из десяти отвечу правильно. Но хоть убей, никак не могу вспомнить, когда же я успела так состариться. Как-то неожиданно все получилось: раз – и уже старуха.

Знаете, в первый раз я обнаружила это в июне, когда попала в больницу с желчным пузырем. Они, наверно, до сих пор его хранят, а может, и выкинули уже, кто знает. Медсестра – толстуха такая, аж страшно, – как раз собиралась ставить мне вторую клизму, они там просто обожают делать клизмы. И тут смотрю, на руке у меня бумажка вроде бирочки. Пригляделась, а на ней написано: «Миссис Вирджиния Тред гуд, 86 лет». Представляете?

Вернулась я домой и говорю миссис Отис, приятельнице своей: мол, нам только и осталось теперь, что сидеть сложа руки да ждать, пока сдохнешь. А она: «Предпочитаю выражение “отойти в мир иной”». Бедняжка! У меня язык не повернулся сказать ей, что разницы-то, собственно, никакой: как ни назови – все одно помрем.

Все же забавно: пока ты маленькая, время на одном месте топчется, а как двадцать стукнет, так оно понеслось, словно скорый до Мемфиса. Мне иногда кажется, что жизнь как-то мимо нас проскальзывает, и почувствовать ее не успеешь. Я, конечно, по себе сужу, не знаю, как у других бывает. Вроде вчера еще маленькая девочка, а нынче – хоп, и взрослая женщина, с грудью и волосами на укромных местах. И как это я все умудрилась пропустить, ума не приложу. Впрочем, особого ума у меня никогда не было, ни в школе, ни потом...

Я и миссис Отис из маленького городка, Полустанок называется. Это в десяти милях от «Розовой террасы», там, где железнодорожная сортировочная, – слышали, может? Отсюда и название Полустанок. Мы с ней последние тридцать лет жили на одной улице. Когда муж миссис Отис умер, сын и невестка уговорили ее переехать сюда, в приют. А меня попросили пожить с ней хотя бы первое время, пока она тут не пообвыкнет. Потом-то я домой вернусь, только от нее это секрет, понимаете?

Здесь не так уж и плохо. На Рождество мы все надевали праздничные колпачки. На моем были вышиты сверкающие елочные шары, а у миссис Отис – рожица Санта-Клауса. А вот кошечку пришлось оставить дома. Жалко ужасно! Скучаю я по ней очень. Я ведь всю жизнь кошку держала, а то и двух. Но ничего не поделаешь, отдала ее соседской девочке, которая поливает мои герани. У меня,

знаете, четыре кадки с геранями перед домом, и герань такая чудная, просто глаз не отвести.

Моей миссис Отис всего семьдесят восемь. Она славная женщина, правда славная, только немного нервная.

Я хранила под кроватью в банке камни из желчного пузыря, так она заставила меня спрятать. Сказала, что от их вида у нее депрессия начинается. Как маленькая. Впрочем, она ведь и росточка маленького, а я, сами видите, дама крупная. Кость у меня широкая, да и все остальное.

А вот машину я никогда не водила. Такое неудобство. Вечно привязана к дому, сиди и жди, пока кто-нибудь подбросит в магазин, или там к врачу, или в церковь. Раньше до Бирмингема можно было добраться на дрезине с ремонтниками, но дрезины давным-давно не ходят. Вернусь домой – обязательно получу водительские права.

Знаете, забавно получается: начинаешь ценить радости жизни, только когда оказываешься вдали от дома. Мне, например, не хватает запаха кофе и жареного бекона по утрам. Здешняя стряпня вообще ничем не пахнет, а о жареном даже не мечтай. Все вареное, и ни грамма соли. Мне эти паровые котлеты и даром не нужны, а вам? – Она тараторила и тараторила, не дожидаясь ответа. – Я просто обожаю пахту с крекерами или кукурузным хлебом на завтрак. Размочишь все в чашке и хлебаешь ложечкой. Но нельзя же есть на людях, как дома себе позволяешь, правда?

И еще скучаю по дереву. Мой домишко – старая развалюха: гостиная, спальня и кухонька. Но весь из дерева, и стены изнутри обиты сосной. За это и люблю его. Терпеть не могу штукатурку. Стены какие-то холодные получаются, окостеневшие, что ли.

У меня была с собой фотография, я там маленькая качаюсь на качелях на заднем дворе, а в руке у меня голубые воздушные шары. Хотела повесить у себя над кроватью, так сиделка не позволила: мол, девочка здесь по пояс голая, а это неприлично. Представляете? У меня эта карточка лет пятьдесят провисела, а мне и в голову не приходило, что я там голая. Неужто кто-то из здешних старичков разглядит голую грудку, с их-то зрением! Но раз уж тут все такие нравственные собрались, ладно, убрала я фотографию в шкаф, пускай полежит

вместе с моими желчными камнями.

Хорошо бы сейчас очутиться дома. Там, правда, беспорядок жуткий: я и забыла, когда подметала последний раз. И знаете почему? Выхожу я как-то на крыльцо, а на дереве сойки дерутся. Ну я и запустила в них веником, а он застрял в ветках. Надо будет попросить кого-нибудь снять мой веничек, когда вернусь.

А недавно сын миссис Отис забрал нас домой с чаепития, которое устраивали в здешней церкви по случаю Рождества. Так вот, он повез нас вдоль железной дороги по Первой улице, там еще когда-то было кафе, мимо старого дома Тредгутов. Конечно, многие дома на этой улице теперь заколочены, иные разрушены, но, знаете, когда мы подъезжали, фары осветили окна, и мне показалось, что дом совсем не изменился. Вроде стоит такой же, как и семьдесят лет назад, везде свет горит, веселье, суматоха. Могу поклясться, я слышала чей-то смех, а в маленькой гостиной Эсси Ру брэнчала на пианино «Эй, девушки из Буффало, погуляем вечером» и «Огромные горы сладостей», или что там еще было тогда в моде. Смотрю – а может, все же показалось? – Иджи Тредгуд опять спряталась в ветвях иранской мелии и воет собакой каждый раз, когда Эсси заводит песню. Она всегда говорила, что Эсси Ру умеет петь хуже, чем корова танцевать. Сдается мне, из-за этих видений, да еще моей тоски по дому, я теперь только о прошлом и могу думать.

Помню все как вчера, да и вряд ли хоть одна подробность из жизни семьи Тредгуд могла ускользнуть из моей памяти. Бог мой, разве такое возможно! Я ведь с самого рождения жила по соседству с Тредгудами, а потом вышла замуж за одного из их мальчиков.

Детей у них было девять человек. Трое из них – Эсси Ру и близняшки – примерно моего возраста, вот я и торчала там все дни напролет. Мы играли, устраивали всякие вечеринки на всю ночь. Мама моя умерла от чахотки, когда мне было четыре года. А когда в Нашвилле погиб отец, я просто осталась жить у них, и все. Можно сказать, я так и не вернулась с той вечеринки.

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

8 октября 1929 г.

МЕТЕОРИТ ПОПАЛ В ЖИЛОЙ ДОМ ПОЛУСТАНКА

Миссис Бидди Луис Отис из дома № 401 по Первой улице заявила, что в четверг вечером крышу ее дома пробил метеорит весом около двух фунтов[1 - Около 0,9 кг. – Здесь и далее примеч. перев.]. Сама она осталась цела и невредима, а вот радио пострадало. Миссис Отис говорит, что она сидела на кушетке, потому что кресло заняла собака, и слушала передачу, как вдруг что-то грохнуло. Теперь в ее крыше огромная дыра, а радио разбито вдребезги.

Берта и Гарольд Вик отпраздновали годовщину свадьбы на лужайке перед домом, чтобы видели все соседи.

От души поздравляем мистера Эрла Эдкока, начальника железнодорожной станции, которому только что приказом № 37 присвоили звание Самого восторженного председателя Общества защиты лосей, членом которого является и моя дражайшая половина.

Кстати, Иджи доводит до вашего сведения, что если вы хотите из чего-нибудь приготовить барбекю, то присылайте это «что-нибудь» к ней в кафе. Большой Джордж все приготовит для вас в лучшем виде: цыпленка – за 10 центов, а стоимость свинины будет зависеть от величины куска.

Дот Уимс

Приют для престарелых «Розовая терраса»

Старое шоссе Монтгомери, Бирмингем, штат Алабама

15 декабря 1985 г.

Прошел час, а миссис Тредгуд все говорила. Эвелин Коуч уже съела три шоколадки и принялась за второе печенье, гадая, когда же уймется эта старушка.

– Знаете, просто обидно, что дом Тредгутов так сильно обветшал. Там столько интересного произошло, столько народилось детишек, столько прожито счастливых минут! Дом был большой, двухэтажный, с прекрасной верандой вокруг. И во всех спальнях – шикарные обои с розами, ну просто загляденье, особенно когда вечером зажигали свет.

Летними ночами на заднем дворе собирались тысячи светлячков. И железная дорога проходила сразу за домом. Вдоль путей росла дикая жимолость, невероятно душистая. Папа посадил там яблони и фиговые деревья и смастерил для мамы чудесную беседку, увитую виноградом и глицинией. А возле дома красовался розовый куст, папа в нем просто души не чаял. Какая жалость, что вы не видали тех роз.

Мама и папа Тредгуды воспитывали меня как родную, и я всех их просто обожала. Особенно Бадди. Но замуж вышла за Клео, его старшего брата. Он потом стал мануальным терапевтом, и представляете, с возрастом у меня начала побаливать спина, так что все получилось как нельзя кстати.

Вся моя жизнь прошла вместе с Иджи и Тредгудами. Но тут, какими словами ни расписывай, все равно не расскажешь. А пожила я красиво, можно сказать, славно пожила.

Я всю жизнь была очень привязчивой, прямо-таки прилипала к людям. Хотите верьте, хотите нет, но раньше я не была болтушкой, зато как пятьдесят стукнуло, так все, прямо не остановишь. А однажды Клео мне говорит, мол, Нинни, – вообще-то меня зовут Вирджиния, но для краткости Нинни, – так вот, Нинни, говорит, я только и слышу от тебя: Иджи то, Иджи се, неужели ты не можешь найти себе занятие поинтересней, чем целыми днями просиживать в этом кафе?

А я подумала, подумала и отвечаю: «Нет, не могу» – не для того чтобы обидеть его, нет, просто так оно и было.

Я похоронила Клео в феврале, аккурат тридцать один год назад. И часто спрашиваю себя, не слишком ли его задел тогда мой ответ. Наверное, все-таки нет, потому что он любил ее не меньше всех нас и всегда хохотал, когда она что-нибудь отчебучит. Она была его младшей сестрой и шутить умела как никто другой. Ведь это она открыла кафе «Полустанок» вместе с Руфью.

Иджи готова была на уши встать, лишь бы кого-нибудь рассмешить. Знаете, что она сделала однажды? Запихнула чипсы в ящичек для пожертвований в баптистской церкви. Характер у нее, конечно, был тот еще, но как все могли подумать, что это она убила того типа, у меня в голове не укладывается.

Тут Эвелин перестала жевать и впервые взглянула на довольно миловидную старушку в выцветшем платье в голубой цветочек и с седыми кудряшками. А старушка продолжала как ни в чем не бывало:

– Некоторые думают, что все началось в тот день, когда она встретила Руфь, а мне кажется, это случилось в воскресенье за ужином, первого апреля девятнадцатого года, в том году как раз Леона вышла замуж за Джона Джаггиса. Точно, первого апреля, потому что в тот день Иджи за обедом показывала всем маленькую коробочку, в которой на тряпке лежал палец, и уверяла, что нашла ее на заднем дворе. А потом оказалось, что это был ее собственный палец, она его просунула в дырку на дне коробки. Первого апреля никому не верю!

Помню, смеялись все, кроме Леоны. Она была старшая из сестер, самая красивая, и папа Тредгуд избаловал ее до безобразия. Да и все остальные, по моему, слишком с ней цацкались.

Иджи тогда было лет десять-одиннадцать. Она спустилась к столу в белом кисейном платье, которое ей сшили специально для свадьбы, и все ахали, какая она в нем нарядная. Мы так замечательно и весело поужинали и уже принялись за черничный пирог, как вдруг совершенно неожиданно Иджи встала и заявила: «Никогда в жизни больше не надену платье!» И знаете, милочка, что она сделала? Отправилась к себе наверх и напялила старые рабочие штаны Бадди и рубашу. Я до сих пор голову ломаю, что это вдруг на нее нашло, да и никто этого не понял.

Но Леона прекрасно знала, что Иджи слов на ветер не бросает, и завопила: «Ой, папа, я чувствую, Иджи мне всю свадьбу испортит!»

А папа сказал: «Ничего подобного, детка. Ты у нас будешь самой красивой невестой в Алабаме». Он в то время носил здоровенные усы, похожие на велосипедный руль. Так вот, он глянул на всех нас и сказал: «Правда ведь, дети?» – и все сказали «угу», лишь бы Леона успокоилась и заткнулась. Все, кроме Бадди, который сидел и посмеивался в кулак. Он вообще в Иджи души не чаял и всегда приходил в восторг от ее фокусов.

Ну, Леона доела свой пирог, все уже вроде успокоились, и вдруг она как взвизгнет, да так громко, что негритянка Сипси с перепугу что-то уронила на кухне. «Ой, пап, а вдруг кто-нибудь умрет?» Вот это сказанула, правда?

Мы все посмотрели на маму, а она положила вилку и тихо сказала: «В общем, так, дети, я уверена, что ваша сестра пойдет на такую маленькую жертву и оденется на свадьбу как положено. Конечно, упрямства ей не занимать, но, в конце концов, она же разумная девочка».

Правда, недели две спустя я случайно подслушала, как мама говорила Иде Симмс, портнихе, которая шила свадебные наряды, что ей, возможно, понадобится зеленый вельветовый брючный костюмчик для Иджи и галстук-бабочка.

Ида улыбнулась: «Неужто костюмчик?» – а мама вздохнула в ответ: «Да знаю, Ида, все знаю. Уж как я ее уламывала, но если этот ребенок что-нибудь решил, так это намертво».

Что и говорить, Иджи уже тогда была крепким орешком. Я так думаю, она во всем хотела походить на Бадди. Эти двое были не дети, а просто катастрофа! – Старушка засмеялась. – Однажды они притащили енота, назвали его Кок. Я могла часами смотреть, как он пытается помыть безе. Перед ним ставили на заднем дворе тазик с водой и давали безе, а он мыл их, одно за другим. Бедняжка никак не мог сообразить, куда они деваются. Каждый раз смотрел на свои опустевшие лапки и страшно удивлялся. Знаете, он едва ли не целую жизнь потратил на попытки вымыть безе. И печенье тоже мыл, но это было не так смешно, а как-то раз даже помыл мороженое.

Ой, мне лучше не вспоминать этого енота, не то все подумают, что я такая же чокнутая, как миссис Филбим, – вон она там, в холле. Благослови ее Бог, она уверена, что «Корабль любви»[2 - Название комедийного телесериала 1977–1986 годов.] везет ее к Аляске. Многие из этих несчастных даже имени своего не помнят.

Эд, муж Эвелин, уже стоял в дверях и в нетерпении подавал ей знаки. Эвелин скомкала фантики, сунула их в сумочку и встала.

– Прошу прощения, но меня зовет муж. Нам пора.

Миссис Тредгуд удивленно взглянула на нее:

– Это обязательно?

– Да, к сожалению. Он торопится.

– Ну что ж, приятно было поболтать с вами. А как вас зовут, милочка?

– Эвелин.

– Ну тогда приезжайте навестить меня. Буду очень рада. Пока! – крикнула она вслед Эвелин, высматривая следующего посетителя.

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

15 октября 1929 г.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ МЕТЕОРИТ?

Миссис Веста Эдкок и ее сын, Эрл-младший, объявили себя полноправными хозяевами метеорита, объясняя это так: дом, в который попал небесный камень, Отисы арендуют у них, а поскольку дом принадлежит им, значит, и то, что в него попало, – тоже.

Когда миссис Бидди Луис Отис спросили, что она по этому поводу думает, она ответила: по ее мнению, метеорит все же принадлежит ей, поскольку он разбил ее радио. Ее муж Рой, кондуктор на железной дороге, в тот день работал допоздна и свидетелем происшествия не был, но сказал, что в 1833 году за одну только ночь нападало десять тысяч метеоритов, а тут мы имеем дело всего с одним. Есть из-за чего шум поднимать!

Бидди сказала, что хочет оставить его у себя на память, – я имею в виду метеорит.

Кстати, это моя фантазия или в самом деле наступили трудные времена? Уилбур, моя дражайшая половина, сказал, что на прошлой неделе в кафе заходили еще пять бродяг и просили поесть.

Дот Уимс

Давенпорт, штат Айова

Лагерь безработных

15 октября 1929 г.

Пять человек ежились вокруг костерка, оранжевые блики и черные тени плясали по лицам. Они пили кофейную бурду из жестяных кружек: Джим Смоки Филлипс, Элмо Уильямс Клякса, Джейк Долгоносик, Кривой Саккет и Чаттануга Рыжий Брехун – пятеро из тысячи двухсот мужчин и подростков, скитавшихся в том году по городам и весям.

Смоки Филлипс глянул на небо и промолчал; остальные сделали то же самое. На разговоры сегодня не тянуло, потому что ледяные пощипывания ночного ветерка означали приближение еще одной суровой зимы. Смоки понимал: пора снова подаваться на юг вслед за стаями диких гусей.

Он родился морозным утром в Смоки-Маунтинс в Теннесси. Его отец, кривоногий мужичок, был самогонщиком во втором поколении и с большим почтением относился к продукции собственного производства. Он совершил роковую ошибку, женившись на «добропорядочной деревенской девушке», которая целиком и полностью посвятила жизнь некоей Пайнгроувской добровольной баптистской церкви.

В детстве Смоки часами просиживал со своей младшей сестрой Бернис на жесткой деревянной скамье в церкви, думая только о еде. Иногда во время молитвенного собрания мать вставала и начинала бормотать что-то бессвязное на непонятном языке. Но чем одержимее становилась мать, тем меньше религиозности оставалось в отце. В конце концов он совсем перестал ходить с ними в церковь, а детям сказал: «В Бога я верю, но сомневаюсь, что надо сходить с ума, пытаясь доказать это».

Однажды весной – Смоки тогда было восемь лет – Господь объявил матери, что в ее мужа вселился дьявол, и она донесла на него в налоговую полицию. Смоки помнит, как они с сестрой провожали отца от сарая, где стоял самогонный аппарат, до дороги, а за спиной у него шел вооруженный полицейский.

Проходя мимо жены, отец недоуменно посмотрел на нее и сказал: «Женщина, ты хоть понимаешь, что натворила? Ты вырвала кусок хлеба у себя изо рта».

В тот день Смоки видел его в последний раз.

После этого мать совсем обезумела и связалась с группой фанатиков из секты святых заклинателей змеи. Однажды вечером краснолицый растрепанный проповедник целый час драл глотку и бил кулаками по Библии, чем довел своих босых прихожан до полного иступления. Публика что-то монотонно распевала и колотила по полу пятками. Потом проповедник достал откуда-то холщовый мешок, выхватил из него двух огромных гремучих змей и принялся крутить их над головой, взывая к Богу.

Смоки оцепенел и сжал руку сестренки. Проповедник прыгал по кругу, призывая верующих взять змею и очистить душу верой в Авраама.

Вдруг мать вскочила, схватила одну из змей и что-то забормотала, уставясь в желтые змеиные глаза, а прихожане начали раскачиваться из стороны в сторону и стонать. Когда мать пошла по комнате, держа змею в руке, они стали валиться на пол, извиваться, визжать, заползать под скамьи и прыгать между рядами. Люди впали в неистовство, а мать выкрикивала: «Хосса! Хеламна! Хессамия!»

Прежде чем Смоки что-либо сообразил, малышка Бернис вырвала руку, подбежала к матери и, дергая ее за подол, закричала:

– Мамочка, не надо!

Все еще пребывая в трансе, женщина на какое-то мгновение опустила безумные глаза на ребенка, и в это время змея сделала выпад и ужалила ее в щеку. Ошеломленная, мать посмотрела на змею, и та снова ужалила ее, на этот раз в шею, вонзив ядовитые зубы прямо в сонную артерию. Женщина выронила злобную тварь, и змея, глухо стукнувшись о доски пола, неторопливо поползла между рядами.

Мать оглядела комнату, где воцарилась гробовая тишина. Прихожане, не понимая, что произошло, смотрели на нее в недоумении. Гааза матери начали стекленеть, она медленно осела на пол и умерла.

К Смоки подошел дядя и повел его к выходу. Бернис забрали соседи, а Смоки так и остался жить у дяди. Когда ему исполнилось тринадцать, он ушел по железной дороге куда глаза глядят, чтобы больше никогда не возвращаться в тот дом. С собой он прихватил только фотографию. Иногда он вытаскивал ее из кармана и долго рассматривал. На выцветшем раскрашенном снимке было двое румяных, улыбающихся детей – маленькая пухлая девочка с челкой и розовой лентой, повязанной вокруг головы, и Смоки с аккуратно причесанными каштановыми волосами. Он стоял чуть позади сестренки, прижавшись к ней щекой. Смоки часто думал о Бернис, представлял, как они встретятся, если, конечно, ему суждено будет вернуться.

Ему было лет двадцать, когда охранник столкнул его с товарняка прямо в холодную желтую реку где-то в Джорджии. Барахтаясь в воде, он потерял

фотографию и теперь почти не вспоминал о сестре, разве что когда проезжал по ночам мимо Смоки-Маунтинс, кочуя с места на место...

Наутро Смоки Филлипс сел в битком набитый поезд, идущий во Флориду. Его мучил голод – последний раз он ел два дня назад. И тут Смоки вспомнил, как его друг Элмо Клякса рассказывал о двух женщинах, которые открыли кафе неподалеку от Бирмингема и никому не отказывали в куске хлеба. Из окна поезда он видел рекламу этого кафе на стенках грузовых вагонов и, когда на глаза ему попала надпись ПОЛУ СТАНОК, АЛАБАМА, спрыгнул с подножки.

Элмо ничего не напутал, кафе и вправду находилось рядом с железной дорогой – маленькая зеленая развалюха с навесом в белую полосу, под рекламой кока-колы прибита вывеска КАФЕ «ПОЛУСТАНОК». Он обошел дом и постучал в дверь, затянутую москитной сеткой. Невысокая негритянка жарила цыпленка и резала тонкими ломтями зеленые помидоры. Увидев Смоки, она крикнула:

– Миз Иджи!

К двери подошла приятная блондинка лет двадцати, с веснушками и кудряшками. На ней были чистая белая рубашка и мужские брюки. Смоки снял шляпу:

– Простите, мэм, не найдется ли у вас какой-нибудь работенки или еще чего... Мне сейчас трудновато приходится.

Иджи оглядела его драную грязную куртку, линялую коричневую рубашу, выдавшие виды ботинки без шнурков и поняла, что он не врет. Открыв дверь, она кивнула:

– Заходи, парень, что-нибудь придумаем. Как тебя звать?

– Смоки, мэм.

Она обернулась к девушке за стойкой. Смоки давно не видел таких опрятных девушек, а эта вдобавок была еще и необыкновенно хороша собой. На ней было платье в горошек, золотисто-каштановые волосы перевязаны красной лентой.

– Руфь, это Смоки. Он будет работать у нас.

Руфь улыбнулась:

– Вот и хорошо. Рада с вами познакомиться.

– Не хотите привести себя в порядок, а потом перекусить?

– Хорошо, мэм.

В большой ванной комнате с потолка свисал длинный шнурок выключателя. Смоки легонько потянул за него и увидел в углу допотопный умывальник с педалью и черной резиновой пробкой на цепочке. На раковине были приготовлены бритва, миска с мыльной пеной и кисточка.

Смоки поглядел на себя в зеркало, и ему стало стыдно: честно говоря, он давненько не держал в руках мыла. Он взял большой кусок коричневого мыла «Оквидол» и попытался отскрести угольную пыль, въевшуюся в лицо и руки. Вот уже сутки у него не было во рту ни капли спиртного, и руки дрожали так, что ему стоило больших трудов кое-как побриться. Смоки протер лицо лосьоном «Олд спайс», причесался и вернулся в зал.

Иджи и Руфь накрыли для него стол – жареный цыпленок, коровий горох, репа, жареные зеленые помидоры, кукурузный хлеб и чай со льдом. Смоки взял вилку и попытался есть. Руки так дрожали, что он не мог донести кусок до рта да вдобавок облил чаем рубашку. Он понадеялся, что девушки не заметят, но вскоре блондинка сказала:

– Пошли, Смоки, прогуляемся чуток.

Он взял шляпу и вытер рот салфеткой, решив, что его вышвыривают.

– Да, мэм.

Она вывела его через черный ход на задворки кафе, откуда начинались поля.

– Что, нервишки пошаливают?

– Извините, мэм, что намусорил там у вас, но если честно... В общем, это...
Ладно, пойду я. Но все равно спасибо.

Иджи порылась в огромном кармане фартука, выудила маленькую бутылку виски «Дикая индюшка» и протянула ему.

Смоки был благодарным человеком. Он сказал:

– Бог запишет вас в святые, мэм.

Они уселись на бревно под навесом, и, пока Смоки успокаивал нервы, Иджи болтала с ним так, словно они много лет знакомы.

– Видишь вон тот пустырь?

Он посмотрел:

– Да, мэм.

– Когда-то здесь было самое красивое озеро в Полустанке. Летом мы там купались, ловили рыбу. Можно было даже на лодке кататься. – Она грустно покачала головой. – Знал бы ты, как мне его не хватает, ужасно не хватает.

Смоки смотрел на голый пустырь.

– И что же с ним случилось, высохло оно, что ли?

Она прикурила для него сигарету.

– Нет, хуже. Однажды в ноябре сюда прилетела огромная стая уток, штук сорок, если не больше. И сели они точнехонько посерединке нашего озера, а пока они там сидели, случилась невероятная вещь. Ни с того ни с сего так быстро похолодало, что все озеро замерзло, секунды за три стало твердым как камень. Раз, два, три – и все.

Смоки изумился:

– Вы это серьезно?

– Ага.

– Что ж, бывает. Бедные утки, наверно, передохли все.

– Да нет же, черт побери! В том-то и дело! Они просто улетели, прихватив с собой озеро. Теперь оно, наверно, где-нибудь в Джорджии.

Смоки уставился на девушку. И когда до него дошло, что она просто-напросто морочит ему голову, вокруг его синих глаз расползлись морщинки, и он захохотал так, что даже закашлялся, и Иджи пришлось постучать ему по спине.

Утирая слезы, он вернулся в кафе, сел за стол и обнаружил, что еда до сих пор теплая. Обед держали в духовке, пока его не было.

Ах, где ты, мальчик, вернись домой,

Где же ты, мой родной?

Шпалы считаешь ты день-деньской

И спишь на земле сырой.

Слышу цокот копыт,

Значит, ты не убит!

Ах, мальчик, вернись домой!

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

22 октября 1929 г.

МЕТЕОРИТ БУДЕТ ВЫСТАВЛЕН В КАФЕ

Миссис Бидди Луис Отис сегодня заявила, что метеорит, который на прошлой неделе пробил крышу ее дома, она собирается отнести в кафе, и пусть ее перестанут донимать звонками. Ей надоело целый день бегать к телефону. Еще она сказала, что метеорит этот – не что иное, как большой серый камень, но если кто захочет поглазеть на него, то пожалуйста, на здоровье, он будет лежать на стойке.

Иджи говорит, что в кафе можно приходить в любое время.

Простите, но больше новостей за эту неделю мне собрать не удалось, поскольку моя дражайшая половина Уилбур подхватил насморк, и мне пришлось бегать вокруг него на задних лапках и выполнять всевозможные капризы.

Что может быть хуже больного мужчины?

С прискорбием сообщаю, что наша дорогая Бесси Вик, свекровь Берты, вчера скончалась на девяносто девятом году жизни. Врачи полагают, что от старости.

Дот Уимс

Приют для престарелых «Розовая терраса»

Старое шоссе Монтгомери, Бирмингем, штат Алабама

22 декабря 1985 г.

В следующее воскресенье, когда Эвелин вошла в зал для посетителей, миссис Тредгуд уже поджидала ее в том же самом кресле и в том же платье.

Веселая, как жаворонок, она пустилась рассказывать о доме Тредгутов так, будто они не разлучались на неделю, и Эвелин не осталось ничего другого, как слушать. Она уселась в кресле поудобней и развернула шоколадку с миндалем.

– Так вот, перед нашим домом росла большая старая иранская мелия. Помню, мы весь год собирали маленькие ягоды, а на Рождество нанизывали их на нитку и украшали дерево с макушки до корней. Мама всегда предупреждала, чтобы мы не смели запихивать эти ягоды в нос, и, разумеется, первое, что сделала Иджи, едва научилась ходить, – это пошла в сад и насовала ягод в нос и в уши. Пришлось вызвать доктора Хэдли. Он сказал маме:

– Миссис Тредгуд, похоже, у вас в доме стало одним хулиганом больше.

Разумеется, Бадди эти слова привели в щенячий восторг. Он ей во всем потакал. Но в больших семьях всегда так: у каждого свой любимчик. Вообще-то, ее настоящее имя Имоджин, это Бадди прозвал ее Иджи. Ему было восемь, когда она родилась, и он таскал ее с собой по всему городу, как куклу. Ведь и на ногах-то еще толком не стояла, а уже ковыляла за ним эдаким утенком, волоча деревянного петушка на веревке.

Что и говорить, Бадди выглядел на миллион долларов со своими карими глазищами и ослепительно белыми зубами. Он мог очаровать вас в одну секунду – и навсегда. Все девчонки Полустанка влюблялись в него если не на всю жизнь, то хотя бы на время.

Говорят, шестнадцатый день рождения запоминается на всю жизнь, и это правда. Я до сих пор помню розово-белый торт с каруселью на верхушке и бледно-зеленый пунш – мама подавала его в огромных стеклянных чашах. А по всему саду развесили бумажные фонарики. Но больше всего мне запомнилось, как Бадди Тредгуд втихаря поцеловал меня за беседкой, увитой виноградом. Представляете, взял и поцеловал! Но, увы, я была у него не единственной...

Иджи день и ночь таскала для Бадди любовные записки – то туда, то обратно, за что получила прозвище Купидон. У нее были светлые, короткие, вьющиеся волосы, синие глаза и веснушки – вылитая мама. В девичестве маму звали Алиса Ли Клауд[З - Cloud – облако {англ.)], и она всегда смеялась:

– До замужества я была облаком.

Мама была ужасно симпатичной. Почти всем детям достались ее голубые глаза, за исключением разве что Бадди и бедняжки Эсси Ру, у которой один глаз получился голубой, а другой – карий. Мама говорила, что именно поэтому у нее такие замечательные способности к музыке. Она во всем видела только хорошее.

Однажды Иджи и Бадди стащили у старика Сокуэлла четыре здоровенных арбуза и припрятали в зарослях ежевики. А на следующее утро, милочка, прежде чем они успели забрать свою добычу, мама нашла ее и страшно удивилась: батюшки, за одну ночь такие арбузищи вымахали! Клео говорил, что с тех пор мама каждый год огорчалась, почему они больше не растут. Никто так и не решился сказать ей, что арбузы были краденые.

Мама была баптисткой, а папа – методистом. Он говорил: мне отвратительна мысль, что меня могут утопить[4 - При крещении баптистский священник окунает человека целиком и некоторое время держит под водой.]. Поэтому каждое воскресенье папа поворачивал налево к Первой методистской церкви, а остальные – направо, к баптистам. Иногда Бадди ходил с папой, но потом перестал, сказал, что баптистские девушки красивее.

Приезжие всегда останавливались в доме Тредгутов. Помню, одно время у нас жил толстый-претолстый проповедник, который приехал в Полустанок, чтобы прочесть проповедь в загородном баптистском лагере. Когда он ненадолго вышел из дому, близняшки пробрались к нему в комнату и принялись играть с его огромными штанами. Пэтси Рут влезла в одну штанину, а Милдред в другую. Они забавлялись, пока не услышали на лестнице шаги, и так испугались, что кинулись в разные стороны. Штаны хрясь – и пополам! Мама говорила, что папа не задал им трепку только потому, что проповедник был баптистский. Но между ними никогда не возникало серьезных разногласий на этой почве, и после церкви мы все возвращались и усаживались за воскресный ужин.

Денег папа Тредгуд зарабатывал немного, но по тем временам он казался нам богачом. Он владел единственным магазином в городе, и купить там можно было все – от стиральной доски до шнурков. Хотите корсет – пожалуйста, а можно и маринованный огурчик прямо из бочки.

Бадди одно время работал там за стойкой. Я бы что угодно отдала за стаканчик земляничного коктейля, который он готовил. Весь Полустанок ходил туда за

покупками. Вот почему мы так удивились, когда в двадцать втором году магазин пришлось закрыть.

Клео объяснял это по-своему: мол, папа разорился из-за того, что никому не мог отказать – ни белому, ни черному. Если человеку что-нибудь было нужно, папа просто укладывал это «что-нибудь» в пакет и отдавал в кредит. Клео говорил, что удача выходила из папиных дверей в бумажных пакетах. Между прочим, ни один Тредгуд не умел сказать «нет». Да, милочка, они готовы были снять с себя последнюю рубашку, только попросите. И Клео был не лучше. У нас с ним никогда не водилось модных, дорогих вещей, но Бог распорядился так, что мы ни в чем не нуждались. Я верю, бедняки – по большей части хорошие люди, за исключением разве что нечестных... Но нечестных и богатство не сделает лучше.

Знаете, в «Розовой террасе» живут почти одни бедняки, и все, что у них есть, – это пособие и «медикейд»[5 - Программа медицинской помощи неимущим в США.]. – Миссис Тредгуд повернулась к Эвелин. – Да, милочка моя, вот уж что вас никогда не подведет – это «медикейд», без него вы даже чихнуть не посмеете.

А вообще-то здесь не только бедняки живут, есть и богатые. Недели две назад сюда приехала миссис Веста Эдкок, маленькая такая, с птичьей грудкой. Я ее знаю, она из Полустанка, вон та, в лисьих мехах и бриллиантовых кольцах. Вот уж кто богатенький. Но что-то не заметно, чтобы богатство делало их счастливыми. И еще я вам скажу, дети навещают их не чаще, чем остальных.

Норрис и Фрэнсис, сын и невестка миссис Отис, приезжают сюда каждую неделю в любую погоду. Вот почему по воскресеньям я торчу здесь, в приемной, – даю им возможность побыть наедине. Но Бог мой, у вас бы сердце разорвалось, если бы вы видели, как эти старички ждут дня посещения. Прическу делают уже в субботу, а в воскресенье, с утра пораньше, при всем параде – встречают... И в результате никто не приезжает. Так их жалко, ужас просто, да чем можешь-то! Э-эх... Если у тебя есть дети – это вовсе не гарантия того, что тебя будут навещать. Нет, никаких гарантий...

Еженедельник миссис Уимс

12 июля 1930 г.

ПОЛУСТАНОК РАСТЕТ НЕ ПО ДНЯМ, А ПО ЧАСАМ

Опал Тредгуд, жена Джулиана, взяла в аренду помещение рядом с почтой, через два дома от меня, и открывает собственный салон красоты. До сегодняшнего дня она делала прически у себя на кухне, но Джулиан попросил ее отказаться от этого, поскольку женщины повадились целыми днями ходить к ним через черный ход, а куры от беспокойства перестали нестись.

Опал сказала, что цены останутся прежними: мытье и укладка – 50 центов, а завивка – полтора доллара. Я, например, в восторге от такого новшества на нашей улице.

Только подумайте, теперь у нас можно отправить письмо, пообедать и сделать прическу, и не надо ради этого ходить за семь верст: все рядом. Осталось только открыть кинотеатр, и тогда мы будем окончательно избавлены от поездок в Бирмингем.

Миссис и мистер Рой Хласс устроили ежегодное семейное сборище. Глассы со всего штата собрались за столом, накрытым на заднем дворе их дома. В ильма сказала, что пирог на вкус оказался лучше, чем на вид.

Кстати, моя дражайшая половина недавно ходил рыбачить и проколол себе палец крючком, поэтому я снова имела удовольствие созерцать его дома, охающего и стонущего.

Дот Уимс

Кафе «Полустанок»

Полустанок, штат Алабама

18 ноября 1931 г.

Теперь название кафе красовалось на сотнях грузовых вагонов – от Сиэтла до Флориды. Щепка Джонс видел эту рекламу даже в Канаде.

Год выдался исключительно тяжелый, леса вокруг Полустанка мерцали кострами безработных бродяг, и не было среди них человека, которого Иджи хоть раз не накормила.

Клео, брату Иджи, это очень не нравилось. Он заехал в кафе за женой Нинни и сынишкой Альбертом и теперь сидел за столом, пил кофе и грыз орешки.

– Иджи, я тебя умоляю, не корми ты каждого, кто ошивается возле твоих дверей! У тебя же бизнес. Джулиан заходил к тебе на днях и видел, как семеро здоровенных мужиков без зазрения совести задаром лопали твою еду. Он говорит, что ты скорее Руфь и ребенка оставишь без обеда, чем этих бродяг.

Иджи фыркнула:

– Много твой Джулиан понимает! Да он бы сам давно с голоду окочурился, если бы Опал не открыла салон. Нашел кого слушать! Ему Бог дал мозгов меньше, чем козлу.

С этим Клео не мог не согласиться.

– Не спорю, но речь сейчас не о Джулиане. Я за тебя беспокоюсь.

– Да я знаю.

– Просто я хочу, чтобы ты не была такой дурой и не швыряла деньги на ветер.

Иджи улыбнулась:

– Между прочим, Клео, до меня дошли слухи, что добрая половина населения этого города задолжала тебе по крайней мере лет за пять. И я что-то не замечала, чтобы ты кого-нибудь выставил за дверь.

Нинни, которая обычно предпочитала помалкивать, на этот раз не удержалась:

– Вот именно, Клео.

Клео с хрустом разгрыз орех, а Иджи подошла и обняла брата.

– Слушай, старый сухарь, да ведь ты ни разу в жизни не прогнал голодного человека!

– Просто не было случая: они все у тебя толкутся. – Клео кашлянул. – А теперь серьезно, Иджи. Я не пытаюсь вмешиваться в твои дела, вынюхивать что-то, но скажи мне, ты хоть немного скопила или нет?

– А зачем? – усмехнулась Иджи. – Знаешь, деньги ведь и убить могут. Вот не далее как сегодня заходил сюда парень и рассказал про своего дядю, у которого была очень денежная работа в Кентукки, на монетном дворе. Он чеканил деньги, и все шло лучше некуда, пока... В общем, однажды он нажал не на ту кнопку, и его раздавил мешок с десятицентовиками весом в семьсот фунтов.

Нинни воскликнула:

– Какой ужас!

Клео посмотрел на жену как на сумасшедшую.

– Боже правый, женщина, да ты никак веришь всему, что плетет моя чокнутая сестрица!

– А что, разве такого не могло случиться? Его и вправду убило монетами, Иджи?

– Конечно. Семьсот фунтов десятицентовиков или триста фунтов четвертаков – точно не скажу, но парня раздавило в лепешку, это чистая правда.

Клео покачал головой и расхохотался.

Приют для престарелых «Розовая терраса»

Старое шоссе Монтгомери, Бирмингем, штат Алабама

29 декабря 1985 г.

Каждое воскресенье в день посещений Эд Коуч и его мать, Большая Мама, сидели до вечера в ее тесной комнатухе и смотрели телевизор. Сегодня Эвелин почувствовала, что если она сию же минуту не уйдет отсюда, то не выдержит и завопит. Она извинилась и сказала, что ей нужно в туалет. Спустившись к машине, Эвелин обнаружила, что ключи остались у Эда... И вот она опять сидит в зале для посетителей, разрывает пакетик с кокосовыми пирожными, а миссис Тредгуд рассказывает о вчерашнем обеде в «Розовой террасе».

– Во-он там сидела, во главе стола, вся такая надутая, прямо чуть не лопалась от гордости.

– Кто?

– Миссис Эдкок.

– Миссис Эдкок?

– Миссис Эдкок! Помните, миссис Эдкок – в лисьих мехах – миссис Эдкок!

Эвелин напрягла память.

– А-а, та богачка.

– Вот-вот, миссис Эдкок, с кольцами.

– Теперь вспомнила. – Эвелин протянула ей пакетик.

– Ой, спасибо, люблю кокосовые. – Старушка откусила кусочек и сказала: – Эвелин, не хотите кока-колы? У меня в комнате найдется немного мелочи, могу вас угостить. Тут в холле есть автомат.

Эвелин покачала головой:

– Нет, спасибо, миссис Тредгуд. А вы хотите?

– Ой, нет, милочка. Вообще-то, я люблю колу, но сегодня меня немного пучит, я бы лучше водички попила, если вас не затруднит, конечно.

Эвелин принесла два бумажных стакана с холодной водой.

– Вот спасибо.

– Так что вы говорили о миссис Эдкок?

Миссис Тредгуд посмотрела на нее:

– Миссис Эдкок? А вы ее знаете?

– Нет, я не знаю, но вы только что рассказывали, как она чем-то там сильно гордилась...

– А-а, правильно, рассказывала... Так вот, миссис Эдкок за обедом хвасталась, что у нее в доме сплошной антиквариат, она его чуть ли не пятьдесят лет собирала. Сказала, что потратила на это кучу денег. А я и говорю миссис Отис: «Начинала я свою жизнь без гроша, а теперь сама превратилась в бесценный антиквариат. Может, я теперь стою целое состояние?»

Старушка даже засмеялась, так ей понравилась собственная шутка. Потом задумалась.

– Интересно, а что стало со всей моей кукольной посудой и с тележкой, в которую мы впрягали козла?

По субботам мы все катались на этой тележке, папа Тредгуд специально смастерил ее для девочек. Нам это казалось интересней, чем в Париж съездить. Не удивлюсь, если старый козел до сих пор жив. Его звали Харри...

Представляете, козел по имени Гарри! Ел все подряд. – Она улыбнулась. – Помню, Иджи скормила ему целую банку Леониного крема от пота, так он вылизал эту банку, будто его угостили мороженым.

Мы играли в разные игры, но больше всего Тредгуды обожали переодевания. Как-то раз мама сшила всем девочкам карточные костюмы для конкурса, который устраивали в церкви, и у каждой была своя масть. Я изображала трефы, близняшки – черви и бубны, Эсси Ру – пики, а у Иджи был костюм джокера. Представляете, мы заняли первое место!

А еще я помню, как однажды на День независимости мы нарядились в платья со звездами и полосками и надели бумажные короны. Мы ели во дворе мороженое домашнего приготовления и ждали, когда начнется фейерверк, и тут появляется Бадди Тред гуд. Спускается по лестнице в матросском платье Леоны и начинает жеманничать. Это он Леону изображал, понимаете? А потом вообще умора была. Эдвард и Джулиан или кто-то другой из мальчишек вытащили на двор шарманку и принялись крутить ручку, зазвучал «Арабский шейх», и Бадди протанцевал вокруг нас неприличный танец. Мы четыре года без смеха не могли об этом вспоминать. Потом, конечно, Бадди извинился перед Леоной, подарив ей крепкий поцелуй... Да, Бадди вы простили бы все что угодно.

А когда стемнело, папа нанял пиротехников и устроил фейерверк для всего города... и цветные из Трутвилля тоже пришли поглазеть. Такое было зрелище, скажу я вам! Эти парни взрывали петарды и залили огнем все небо. И конечно же, мальчишки как сумасшедшие топтали башмаками шутихи. А когда все закончилось, мы вернулись домой и уселись в беседке, а Эсси Ру брэнчала на пианино. Она играла «Послушай пересмешника», «Нолу» и какие-то другие модные тогда песенки, а Иджи взобралась на дерево и выла на нее.

По-моему, Иджи всегда ходила в рабочем комбинезоне и босиком. Конечно, это удобно. Какие уж тут платья, когда она вечно лазила по деревьям, охотилась и ловила рыбу вместе с Бадди и другими братьями.

Бадди говорил, что она стреляет не хуже любого парня. Иджи была симпатичной девчушкой, если, конечно, не считать того случая, когда Бадди постриг ее «под ежик». Клянусь, вы бы тогда приняли ее за мальчика.

Вообще-то, все девочки Тредгудов были красивые. Не то чтобы они никаких усилий к этому не прилагали. Особенно Леона старалась. Она очень серьезно к себе относилась и совершенно не терпела шуток в свой адрес.

Я в их семье была белой вороной: вымахала эдакой дылдой. Даже горбиться немного начала из-за этого. Но мама Тредгуд сказала: «Нинни, Господь сделал тебя высокой, чтобы ты была ближе к небесам». Сейчас-то я уже не такая высокая, как прежде. Старики как-то съеживаются, усыхают, что ли.

А правда, волосы – забавная вещь? Многие на них просто помешаны. Наверно, так уж человек устроен. В Библии часто говорится о волосах: Самсон, и эта женщина из Савы, и девушка, которая Иисусу ноги отерла своими волосами... Вам не кажется странным, что негритянки хотят непременно распрямить свои кудряшки, а мы все время завиваемся? У меня были каштановые, а теперь я пользуюсь краской «Silk and silver» номер пятнадцать... Я как-то брала шестнадцатый, но от него волосы слишком темные получаются, сразу видно, что крашеные.

Ну так вот, я делала на затылке обыкновенный пучок и бежала по своим делам. Но Леона такого себе не позволяла. Как-то раз она крепко поссорилась с Иджи из-за волос. Иджи тогда было, наверно, лет девять-десять. Однажды она пошла в Трутвилль поиграть с цветными ребятишками и притащила домой вшей. Разумеется, всех нас заставили мыть голову этой ужасной смесью серы, керосина и топленого свиного сала. В жизни не слышала столько воплей и визга! Можно подумать, Леону сжигали заживо. Она потом долго не разговаривала с бедной Иджи.

Как-то Бадди вернулся домой и увидел, что Иджи сидит совсем кислая. Он как раз собирался вечером на футбол и, уходя, крикнул: «Пошли, Малыш!» И взял ее с собой. Прямо на скамейку игроков посадил. Вот он какой был, наш Бадди...

Думаю, Леона так и не простила Иджи, пока замуж не вышла. Она до самой смерти гордилась своей внешностью. Как-то в «Макколлсе»[6 - Ежемесячный иллюстрированный журнал для женщин.] она прочла статью, где говорилось,

что от злости и ненависти могут появляться морщины. Она без конца шипела на Иджи, мол, та ее уморить хочет, но при этом у нее с лица не сходила улыбка.

Конечно, Леона отхватила себе богатого муженька и устроила шикарную свадьбу. Она страшно боялась, что Иджи испортит всю церемонию, но зря она так переживала: Иджи почти весь день провела с семьей конюха и всех там очаровала, они в нее прямо влюбились. Даже в детстве она была обаятельна, как все Тредгуды. И никто в мире не мог сравниться в этом с Бадди.

Миссис Тредгуд на секунду замолчала, чтобы глотнуть воды, и вдруг по ее лицу пробежала тень.

– Знаете, это кокосовое пирожное напомнило мне о пикнике в тот ужасный день.

Я была обручена с Клео, значит, семнадцать мне уже стукнуло. Это был июнь, суббота, мы тогда здорово повеселились на пикнике, который устроила наша церковь. В тот день уезжали ребята из андалузской баптистской церкви, и мама с Сипси напекли по этому случаю штук десять кокосовых пирогов. Мальчики нарядились в белые костюмы, а Клео купил в папином магазине новую соломенную шляпу, и Бадди почему-то выклянул ее у Клео на денек.

После пикника Эсси Ру и я вернулись домой с блюдами от пирогов, а мальчики отправились на станцию с ребятами из Андалузии – они всегда ходили провожать их. Мама на заднем дворе собирала инжир. Я была с ней, когда это случилось...

Мы слышали, как тронулся поезд, но едва он отъехал, раздался свисток. Поезд с визгом и скрежетом затормозил, и в тот же миг закричали девчонки.

Мама внезапно схватилась за сердце, упала на колени и воскликнула: «Нет, только не мой ребенок! Боже милосердный, только не мой!»

Папа Тредгуд услышал из магазина шум и побежал к станции, а мы с мамой стояли на крыльце. Потом несколько человек отделились от толпы у путей и направились в нашу сторону. Я как увидела соломенную шляпу в руках Эдварда, так сразу поняла: Бадди!

Он в тот день флиртовал с красоткой Мэри Миллер, и, когда поезд тронулся, он шагнул на рельсы, щегольски надвинув шляпу на лоб, и послал ей свою самую обворожительную улыбку. И тут как раз свисток... Говорят, он даже не услышал, как сзади подъехал паровоз. Боже мой, и зачем Клео дал ему эту треклятую шляпу! – Она покачала головой. – Вы не представляете, нас как будто всех задавило. Но больше всех убивалась Иджи. Ей было тогда, кажется, лет двенадцать-тринадцать, и в тот день, когда это случилось, она была в Трутвилле, играла в футбол. Клео пришлось ходить за ней.

Я никогда не видела, чтобы так горевали. Я думала, она прямо за ним следом умрет. На нее невозможно было смотреть. В день похорон она убежала. Не выдержала. А вернувшись, поднялась наверх, заперлась в комнате Бадди и сидела там, пока все не закончилось, просто сидела одна в темноте. Потом собрала вещи и ушла жить к Сипси в Трутвилль... Но знаете, она так ни разу и не заплакала. Ей было слишком больно, чтобы плакать. Странно, иногда сердце продолжает биться, даже когда разбито.

Мама Тредгуд очень переживала за нее, но папа велел всем оставить ее в покое, мол, пусть делает что хочет. Конечно, Иджи после этого страшно изменилась. Только после знакомства с Руфью она стала понемногу отходить. Но я знаю, она так и не смогла до конца пережить эту смерть... Никто из нас не смог.

Нет, не хочу больше об этом говорить, слишком печально, зря только вас расстроила. И кроме того, Бог никогда не запирает дверь, пока не откроет другую. Я думаю, Он потому и послал к нам Руфь в то лето.

«Воззрит Он и на воробья, Как Он может не видеть меня?»

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

1 декабря 1931 г.

РАДИОЗВЕЗДА ПОЛУСТАНКА

Что нам Голливуд! Каждый день в 6.30 утра в радиопередаче «Время королевского бисквита» вы можете услышать нашу собственную Эсси Ру Лаймуэй, она еще играет на органе в баптистской церкви и аккомпанирует квартету «Парики для веселых красоток». На радио Эсси участвует в рекламе кампании «Органы и рояли Стэнли Чарльза». Когда мистер Чарльз говорит: «Помните, я могу поддержать у себя ваш орган или рояль до Рождества», в это самое время наша Эсси Ру играет «Колокольчики звенят». Так что слушайте.

Эсси сказала, что у Стэнли Чарльза в этом году склады полностью забиты инструментами, которые надо поскорее продать. А еще она говорит, что достаточно упомянуть ее имя, и вам сделают скидку. Магазин расположен в центре Бирмингема, рядом со стоянкой машин, напротив забегаловки Гаса, где торгуют хот-догами.

Кстати, от вывески салона красоты миссис Опал отвалилась буква «О» и едва не угодила в голову миссис Бидди Луис Отис. На что Опал сказала: «Хорошо, что она не пострадала, но разве не совпадение, что фамилия миссис Отис тоже начинается с “О”?»

Джулиан обещает на неделе приладить упавшую букву, но Бидди заявила, что отныне будет ходить только с черного хода.

Дот Уимс

P. S. Опал просила сообщить, что к ней поступила партия накладных кудрей. «Если вам есть куда добавить локон-другой, то милости прошу», – сказала она.

Родс-Серкл, 212

Бирмингем, штат Алабама

5 января 1986 г.

Запершись в комнате для шитья, Эвелин Коуч доедала вторую порцию шоколадного мороженого «Баскин-Роббинс» и тупо разглядывала в беспорядке сваленные на стол выкройки фирмы «Баттерик», к которым не притрагивалась со дня покупки, совершенной в порыве творческого энтузиазма. Эд в кабинете смотрел футбол, и слава богу, поскольку стоило ей взять в рот какой-нибудь кусок пожирнее, как он смотрел на нее с наигранным удивлением и спрашивал: «Разве твоя диета это позволяет?»

Она соврала мальчишке из «Баскин-Роббинс», сказав, что мороженое берет для внуков. Нет у нее никаких внуков.

Эвелин было сорок восемь, и она чувствовала себя опустошенной и потерянной. Слишком уж быстро все изменилось. Пока она растила двух долгожданных детей – мальчика для мужа и девочку для себя, – мир стал совершенно другим, она ничего вокруг не узнавала.

Она перестала понимать шутки, они казались ей глупыми. А язык – это же какой-то тихий ужас! Эвелин за всю свою жизнь ни разу не сказала нецензурного слова. Теперь она смотрит только старые фильмы да повторение «Шоу Люси»[7 - Комедийный телесериал 1962–1974 годов.]. Когда началась война во Вьетнаме, она поверила Эду: по его словам выходило, что война эта правильная и необходимая, а кто против нее, тот коммунист. Потом, много позже, она наконец решила для себя, что эта война была не такой уж и правильной, но на экране уже мельтешила Джейн Фонда со своей аэробикой, и в любом случае мнение Эвелин никого не интересовало. У нее до сих пор зуб против этой Фонды. Хорошо бы она убралась с телевидения и перестала мотать перед носом своими тощими ногами.

Нельзя сказать, что Эвелин совсем опустила руки, нет. Она старалась, чтобы сын рос добрым и отзывчивым, но Эд ужасно напугал ее, сказав, что при таком воспитании мальчик просто станет педиком. Эвелин тогда специально стала отдаляться от сына, и теперь он казался ей совершенно чужим.

Дети были не очень близки с ней. Дочь Джанис в свои пятнадцать знала о сексе больше, чем Эвелин сейчас. Да, что-то у нее в жизни разладилось.

В школе все было просто и понятно: есть хорошие девочки и есть плохие, и каждый знал, кто есть кто. Кто не с нами, тот против нас. Она принадлежала к «благородным», к элите. Не знала даже имен тех, кто играл в школьном оркестре. На мальчиков в узких брюках не смотрела, как, впрочем, и на их подружек в прозрачных нейлоновых кофточках и с браслетами на щиколотках. Мальчики ее круга стриглись «под ежик» и носили застегнутые под горло жесткие полотняные рубашки и защитного цвета форму, а девочки ходили в блузках фирмы «Ship and Shore» с круглыми значками женского клуба. Они с подругами выкуривали по одной сигарете «Кент» на девичниках и лишь иногда позволяли себе пиво на вечеринках с мальчиками, но не более того. Никакого лапанья, никаких обжиманий.

Эвелин чувствовала себя полной дурой, когда пришла с дочерью подбирать ей противозачаточный колпачок. Сама Эвелин ждала до первой брачной ночи. А какой это был удар! Ее никто не предупредил, что будет так больно.

Она до сих пор не получает от секса никакого удовольствия. Стоит ей хоть немного расслабиться, дать себе волю, как перед глазами возникает образ «плохой девочки».

Она-то всегда была хорошей, держалась как леди, ни разу в жизни не повысила голос и доверяла всем без разбору. Считала, что где-то там, потом, ее ждет за это награда, своего рода приз. Но когда Джанис спросила, спала ли она с кем-нибудь кроме мужа, и она ответила: «Боже мой, конечно нет!», ее дочь воскликнула: «Ой, мам, какая глупость! Ты ведь даже не знаешь, хорош ли он в постели. Бедная!»

Что правда, то правда. Она не знала.

Как же так получается? Живешь, стараешься, а потом, после стольких лет жизни, выясняется, что вовсе не так важно, хорошо ты себя вела или плохо. Девочки из колледжа, которые прошли огонь, воду и медные трубы, отнюдь не закончили свои дни на задворках общества, и никто их не презирал, как предполагала Эвелин. Они повыходили замуж – удачно или не слишком удачно, – как и все остальные, не хуже и не лучше. А значит, ее старания остаться чистенькой, страх, что до тебя дотронутся, страх, что из-за одного твоего неосторожного жеста какой-нибудь мальчик посчитает тебя доступной, животный страх забеременеть – все это было напрасной тратой сил и нервов! Нынешние кинозвезды нарожали себе вагон внебрачных детишек и называют их

как хотят, например Лунный Луч или Солнечное Перо.

И какую же награду она получила за свое благоразумие? Ей все время внушали, что нет ничего хуже пьяной женщины, и она никогда не позволяла себе больше одной порции виски. А нынче сливки общества танцуют в «Клубе Бетти», фотографируются бог знает в чем и таскаются по вечеринкам. Она часто спрашивала себя, ходят ли к «Бетти» люди, у которых фунтов двадцать пять лишнего веса.

Однажды дочь угостила ее сигаретой с марихуаной, но, едва почувствовав горячие толчки изнутри, она перепугалась и больше не пробовала. Нет, наркотики не для нее.

Эвелин часто спрашивала себя, есть ли на белом свете такие же люди, как она, и где ее место?

Лет десять назад, когда Эд завел себе подружку – она работала вместе с ним в страховой компании, – Эвелин записалась в группу «Полноценные женщины». Хотела спасти брак. Нельзя сказать, чтобы она сильно любила Эда, но и терять его не хотелось. А кроме того, надо же было хоть чем-то заняться. К тому времени они прожили вместе столько же лет, сколько Эвелин жила до свадьбы с родителями.

В этой группе полагали, что женщина может стать счастливой, только если расшибется в лепешку ради мужниного счастья.

Руководитель убеждала их, что все эти богатые, сделавшие удачную карьеру женщины только с виду такие благополучные. На самом деле они страшно одиноки и в глубине души завидуют какой-нибудь простушке с ее незатейливым домашним уютом.

С большим трудом Эвелин удалось вообразить, как Барбара Уолтерс[8 - Тележурналист, одна из звезд современного американского телевидения.], например, бросает все ради Эда Коуча. Надо сказать, она не отличалась особой религиозностью, но тем не менее мысль, что Библия поддерживает тебя в те минуты, когда ты стелешься перед супругом ковриком для ног, приносила ей некоторое успокоение. И разве не апостол Павел сказал, что женщине надлежит не соперничать с мужчиной, а молча повиноваться?

Посему, окрыленная надеждой, Эвелин начала восхождение на «Десять ступеней к полному счастью». Чтобы одолеть первую ступень, она в один прекрасный день встретила Эда голая, завернувшись в целлофановую упаковку для макарон. Но Эд отреагировал не совсем так, как предполагалось: он ринулся в дом и поскорей захлопнул за собой дверь: «Боже правый, Эвелин! А если бы это оказался почтальон! Ты что, совсем сбрендила?»

Средство номер два – отправиться к нему на работу, одевшись как проститутка, – она так и не решилась применить.

Вскоре их руководитель Надин Фингерхат развелась, ей пришлось устраиваться на работу, и группа распалась. А потом Эд перестал встречаться с той женщиной, и все пошло своим чередом.

Некоторое время спустя в поисках какого-нибудь увлечения Эвелин попыталась ходить в Общественный женский центр. Ей понравились тамошние жизненные принципы, но про себя она подумала, что этим женщинам не помешало бы хоть немного подкрашивать губы и брить ноги. Она единственная явилась на собрание в полном макияже, в колготках и с серьгами в ушах. Она была бы не прочь остаться в их компании, но когда одна дама предложила на следующей неделе всем принести с собой зеркальце, чтобы изучать свое влагалище, Эвелин запаниковала и больше туда не пошла.

Эд уверял, что эти женщины – просто сборище старых дев с несбывшимися надеждами, слишком уродливых, чтобы подцепить хоть какого-нибудь мужчину. Так она и продолжала жить с неприязнью к целлофановым упаковкам и со страхом заглянуть в собственное влагалище.

Однажды они с Эдом отправились на праздник в честь тридцатилетия их колледжа. Эвелин очень надеялась встретить хоть одну родственную душу, чтобы было с кем поплакать на пару. Но собравшиеся там женщины смущались не меньше нее и жались к своим мужьям и коктейлям, чтобы не пропасть в толпе. Похоже, все ее сверстники балансируют на заборе, не зная, в какую сторону спрыгнуть.

После той вечеринки она часами рассматривала старые школьные фотографии, а потом начала ездить по местам, где когда-то жила.

Эд махнул на нее рукой. Он все сильнее напоминал своего отца, пытался вести себя так, как, по его мнению, должен вести себя хозяин дома, и с годами становился все более замкнутым. По субботам он совершал долгие, одинокие прогулки вокруг своей страховой компании, все искал чего-то, а чего – и сам не знал. Как и все мужчины, Эд ездил на охоту, рыбалку, смотрел футбол по телевизору, но она начала подозревать, что он тоже всего лишь играет свою роль.

Эвелин с тупым удивлением глядела в пустую коробку из-под мороженого, не понимая, куда могла подеваться та улыбающаяся девочка со старой школьной фотографии.

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

2 ноября 1932 г.

В ПОЛУСТАНКЕ ОТКРЫЛСЯ ПОРОСЯЧИЙ КЛУБ

С одобрения Алабамской службы внедрения научных методов ведения сельского хозяйства у нас открылся Поросячий клуб. За дополнительной информацией звоните домой миссис Берте Вик. Берта говорит, что мисс Зула Хайт из Киттрела, штат Северная Каролина, всего за семь дней сумела заработать чистокровную китайскую свинью с родословной, и вы можете сделать то же самое, если как следует пошевелите мозгами. Она утверждает, что чистокровная свинья – свидетельство вашей оригинальности и принадлежности к кругу избранных, а кроме того, первый шаг на пути к богатству. Такая свинья станет основой вашего благосостояния, на всю жизнь обеспечит хороший доход, и в старости вы не будете знать нужды.

Иджи купила для кафе новый радиоприемник и говорит, что если найдутся желающие послушать передачу «Эймос и Энди»[9 - Серия радиопередач 1929-1948 годов о двух неграх, которые пускались на различные ухищрения в

поисках дополнительного заработка.], то милости просим, приходите, и даже необязательно что-нибудь заказывать. Она уверяет, что слышно прекрасно, особенно по ночам.

Кстати, никто не знает, как избавиться от собачьих следов на бетонной дорожке? Если знаете, позвоните, пожалуйста, или зайдите ко мне на почту, поделитесь опытом.

Дот Уимс

Приют для престарелых «Розовая терраса»

Старое шоссе Монтгомери, Бирмингем, штат Алабама

12 января 1986 г.

Эвелин открыла сумочку, достала сэндвичи с острым сыром, которые прихватила из дому, и протянула один миссис Тредгуд.

Старушка просияла:

– Вот спасибо! Обожаю сэндвичи с сыром и перцем. Признаться, я люблю красивую еду, а этот сыр такой аппетитный симпатяга. И красный перец тоже люблю. А когда-то обожала засахаренные яблоки, но теперь мне их нельзя: зубы. Вообще, если подумать, то мне все красное нравится.

Она немного помолчала.

– У нас была красная курица, ее звали Сестренка. Каждый раз, когда мне надо было идти на задний двор, я ей говорила: «Сестренка, не клюй мне ноги, девочка, а то запеку тебя в тесте». И знаете, она кивала, квохтала и отходила в сторонку. Она всех клевала, кроме меня и моего малыша Альберта. Мы даже во

время Великой депрессии не смогли съесть эту курицу, и она умерла от старости. Когда я попаду на небо ко всем нашим, то, надеюсь, Сестренка и енот Кок тоже там будут. И старушка Сипси меня небось ждет не дождется.

Понятия не имею, откуда появилась Сипси... про негров этого никогда не знаешь. Ей было лет десять-одиннадцать, когда она начала работать у мамы Тредгуд. Пришла со стороны Трутвилля, это негритянский квартал за железнодорожными путями, сказала, что ее зовут Сипси Пиви и что она ищет работу. Мама сразу ее и взяла. Все дети Тредгудов выросли у Сипси на руках.

Она была маленькая, тощая и забавная. И ужасно суеверная. Ее мать была рабыней, и Сипси до смерти боялась сглазов и наговоров. Она рассказывала, что их знакомая в Трутвилле каждую ночь подсыпала соседу в ботинок желтый приворотный порошок, а дело кончилось тем, что бедняга потерял свою мужскую силу. Приворожила, называется.

Но больше всего на свете она пугалась, когда видела головы животных. Принесешь, бывало, ей курицу, или рыбу, или поросенка, которого зарезал Большой Джордж, так она к ним ни за что не притронется, пока не похоронит в саду голову. Говорит, если голову не закопаешь, в тебя вселится душа этого животного и ты станешь бешеной. Однажды папа забыл об этом и притащил домой голову поросенка, так Сипси завопила как резаная, убежала и не возвращалась, пока ее подруга не поколдовала и не очистила дом. Она, наверно, не одну сотню голов в саду закопала. А знаете, у нас из-за этого росли самые большие в городе помидоры, и окра, и тыквы. – Старушка засмеялась. – Бадди называл наш сад рыбоголовым.

Но несмотря на все эти чудачества, в штате Алабама не было лучшего повара. Уже в одиннадцать лет Сипси готовила самые вкусные соусы и жареных цыплят, фруктовые пироги и печенье, репу и горох. А плюшки у нее получались такие воздушные, что казалось, вот-вот взлетят под потолок и вам придется их ловить, чтобы съесть. В кафе все делалось исключительно по ее рецептам. Это она научила Иджи и Руфь готовить.

Не знаю, почему у Сипси не было собственных детей. Я не встречала человека, который любил бы детей больше, чем она. Все негритянки Трутвилля оставляли ей своих ребятишек, а сами уходили на всю ночь веселиться.

Знали, что Сипси позаботится о них наилучшим образом. Она говорила, что нет большего счастья, чем баюкать младенца. Могла всю ночь напролет петь колыбельную и качать ребенка, а то и сразу двоих, и просто умирала от желания иметь своего.

Однажды в ноябре, незадолго до Дня благодарения, – мама рассказывала, что был мороз, и деревья стояли голые, – так вот, Сипси наверху застлала кровати, и вдруг прибежала ее подруга и, страшно волнуясь, выпалила, что там, на станции, одна девушка из Бирмингема отдает своего ребенка, и поезд вот-вот тронется.

Сипси со всех ног бросилась вниз и, как была, в легком платье, выскочила на улицу. Мама Тредгуд закричала ей вслед, чтобы хоть пальто накинула, но Сипси сказала: «Нет время, миз Тредгуд. Я должна взять это дите!» Мама стояла у порога и ждала. Вскоре поезд отошел, и появилась Сипси. Она улыбалась от уха до уха, ноги у нее были в кровь ободраны о колючий кустарник, а в руках она несла толстущего и чернющего младенца, завернутого в салфетку с надписью: «Отель Дикси, Мемфис, штат Теннесси». Сипси объяснила, что эта девица возвращалась к себе домой и не могла показаться там с ребенком, поскольку ее муж уже три года как в тюрьме.

Мы так и не узнали имя мальчика. Сипси сказала, что раз он появился с поезда, то пусть его зовут Джордж Пульман Пиви – в честь человека, который изобрел пульмановский вагон. Неизвестно, кто его отец, но наверняка он был гигантом, потому что Джордж вымахал до шести футов четырех дюймов[10 - 1 метр 84 см.], а весил целых двести пятьдесят фунтов[11 - 113,5 кг.].

Когда он был еще совсем мальчишкой, папа Тредгуд взял его в свой магазин и обучил на мясника. Уже в десять лет он умел разделать свинью, и Сипси ужасно им гордилась. Она не могла бы любить его сильнее, будь он даже ее собственным сыном. Часто обнимала его и говорила: «Милый, хоть ты и не родной мне, а все равно что мой».

Когда Большой Джордж угодил под суд, она каждый день ходила на судебные заседания, не важно, дождь на улице или солнце... А ведь ей тогда уже было под девяносто. Хотя по негру никогда не заметно, сколько ему лет.

Еще она все время пела. «В багажном вагоне вперед и вперед», «Утренним поездом еду я домой»... И всегда что-нибудь про поезда. Перед смертью она сказала Большому Джорджу, что ей приснился Иисус весь в белом, он был проводником поезда-призрака и приехал забрать ее на небеса.

Я вам скажу, что в восемьдесят лет она еще готовила в кафе, и готовила отменно. Большинство посетителей ходили туда только из-за ее стряпни. И уж конечно, не для того, чтобы полюбоваться нашим кафе. Когда Иджи и Руфь купили его, это была здоровенная, страхолюдная развалюха. Знаете где? Напротив железнодорожных путей, рядом с почтой, где работала Дот Уимс.

Я хорошо помню тот день, когда они перебрались в кафе. Мы все пришли помогать, Сипси подметала пол и вдруг заметила, что Руфь вешает на стену репродукцию «Тайной вечери». Она бросила веник, долго смотрела на картину, а потом спросила:

«Миз Руфь, это кто же такой сидит за столом рядом с мистером Иисусом?»

Руфь так ласково ей отвечает: «Ну как же, Сипси, это ведь мистер Иисус и его братья». А Сипси глянула на нее и говорит: «Да ну! А я чего-то думала, что у миз Марии был только один сын», – и снова взялась за веник. Мы чуть не померли со смеху. Сипси прекрасно знала, что изображает «Тайная вечеря». Просто любила пошутить.

Джулиан и Клео соорудили в зале четыре деревянные кабинки и пристроили сзади жилую комнату для Иджи и Руфи. Стены кафе обшили сосновыми досками, а пол остался прежним, из старого дерева.

Руфь сначала пыталась украсить кафе. Повесила картину с парусником в лунном свете, но Иджи сняла ее и прикрепила рисунок с собаками, которые сидели за карточным столом, дымили сигарами и играли в покер. А внизу подписала: КЛУБ «МАРИНОВАННЫЙ ОГУРЕЦ». Они потом стали так называть свой сумасшедший клуб, который Иджи устроила вместе со своим дружкой Грэди Килгором. Еще она развесила рождественские украшения – их так никогда и не сняли – и прилепила старый железнодорожный календарь. Вот и все.

В кафе было только четыре стола и несколько не слишком надежных стульев. – Миссис Тредгуд засмеялась. – Вечно садишься и не знаешь, выдержит тебя стул

на этот раз или развалится. Кассового аппарата у них не было. Деньги хранили в коробке из-под сигар, из нее же и сдачу давали. На стойке лежали картофельные чипсы, фотографии известных футболистов, расчески, жевательный табак, наживка для рыбы и маленькие дудочки из кукурузного початка.

Иджи открывала кафе на рассвете и не закрывала, пока, по ее словам, последняя собака не наестся. Большая сортировочная станция была всего в двух кварталах, и все железнодорожники ели в этом кафе, и цветные и белые. Только цветных обслуживали с черного хода. Конечно, многие выражали недовольство, что она продает еду неграм, и нередко из-за этого бывали стычки. Но она говорила: «Никто не смеет указывать, что мне можно делать, а чего нельзя». Клео сказал, что она в одиночку решила бороться со всем Ку-клукс-кланом, и возражать ей бесполезно. Вот так и получилось, что наша милая, добродушная Иджи обернулась храбрым рыцарем и ринулась в неравный бой.

Кафе «Полустанок»

Полустанок, штат Алабама

22 марта 1933 г.

Иджи пила кофе и болтала со своим бродячим другом Смоки. Сипси и Онзелла на кухне жарили зеленые помидоры для целой толпы, которая должна была собраться к обеду, ровно в 11.30, и слушали по радио «Евангелический час. Крылья над Иорданом», когда в дверь кухни постучал Осия Смит. Сипси вышла в зал, вытирая руки передником.

– Миз Иджи, тут черный юноша просится поговорить с вами.

Иджи подошла к москитной сетке и увидела Осию, своего приятеля из Трутвилля, который работал на сортировочной станции.

– А-а, Осия, привет. Как поживаешь?

– Осия хорошо поживает, миз Иджи.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Миз Иджи, нас целая куча ребят вон там, во дворе. Мы вашу барбекю уже два месяца каждый день нюхаем и просто с ума сходим, вот мы и подумали, может, миз Иджи продаст нам несколько сандвичей с барбекю? У меня с собой деньги есть.

Иджи вздохнула и покачала головой.

– Осия, дружище, будь моя воля, я бы вас пригласила зайти и за стол усадила бы, но сам понимаешь, не могу я этого.

– Да, мэм.

– В городе орудует банда, которая за минуту все тут дотла спалит, а мне еще жить не надоело.

– Да, мэм.

– Но ты пойди и скажи своим ребятам, что, если им что-нибудь понадобится, пусть не стесняются и приходят с черного хода в любое время.

Он просиял:

– Да, мэм.

– Сипси вам все подаст.

– Да, мэм, спасибо.

– Сипси, дай им барбекю и что там еще им надо, пусть скажут. И пирога не забудь.

Сипси проворчала вполголоса:

– Ох, накличете вы беду на свою голову с этими ку-клуксами, а меня убьют до смерти. И вы меня больше никогда не увидите, нет, мэм.

Но сэндвичи все-таки приготовила и еще дала виноградного вина и пирога, сложив все в бумажный пакет вместе с салфетками.

Дня через три в кафе вошел запыхавшийся Грэди Килгор, огромный, как медведь, местный шериф и по совместительству железнодорожный детектив. Он когда-то дружил с Бадди, братом Иджи.

Грэди бросил шляпу на вешалку и сказал Иджи:

– Есть разговор.

Она принесла кофе и села напротив. Грэди навалился грудью на стол и приступил к своим нелегким обязанностям.

– Иджи, тебе не следует продавать еду черным, и ты это не хуже меня знаешь. В городе есть парни, которые не очень-то это дело приветствуют. Никто не желает обедать в помещении, куда заходят черные, это неправильно, и вообще, ты не должна этого делать.

Иджи немного помолчала и кивнула головой в знак согласия.

– Ты прав, Грэди, я и сама прекрасно знаю, что не должна этого делать.

Грэди откинулся на спинку стула и с облегчением вздохнул. Но она продолжала:

– Смешно получается, правда, Грэди? Вечно люди делают то, чего им не следует делать. Возьми, например, себя. По-моему, многие уверены, что в воскресенье после службы тебе не следует ходить к реке на свидания с Евой Бейтс. Глэдис наверняка считает, что тебе не надо этого делать.

Мало того, что Грэди, помимо всего прочего, отправлял службу в баптистской церкви, он еще и был женат на Глэдис, в девичестве Моутс, которая славилась

на редкость вспыльчивым характером.

– Перестань, Иджи. Это совсем не смешно.

– А по-моему, смешно. Почти так же смешно, как шайка взрослых лбов, которые, накачавшись для храбрости виски, ходят с простыней на голове.

Грэди позвал Руфь, стоявшую за стойкой:

– Руфь, сделай милость, подойди сюда и одолжи ей хоть немного здравого смысла. Я пытаюсь уберечь ее от серьезных неприятностей, а она не хочет меня слушать. Я не буду называть имен, но кое-кто не желает, чтобы она продавала еду черномазым.

Иджи закурила «Кэмел» и улыбнулась.

– Вот что я тебе скажу, Грэди. В следующий раз, когда эти кое-кто заявятся сюда – Джек Баттс, например, или Уилбур Уимс, или Пит Тидуэлл, – я скажу им: если вы не хотите, чтобы весь город знал, кто прячется под этими дурацкими простынями, то почему бы вам не сменить башмаки, когда в следующий раз отправитесь на свои идиотские сборища?

– Иджи, да погоди ты...

– Черт возьми, Грэди, меня не одурачишь. Да я где угодно узнаю эти здоровенные башмаки.

Грэди взглянул на свои ботинки. Он как-то растерял весь свой пыл.

– Ну хватит, Иджи. Должен же я им что-то ответить. Так что, прекратишь ты это или нет? Руфь, да подойди же ты сюда, помоги мне сдвинуть с места эту упрямую ослицу.

Руфь подошла к столу.

– Ой, Грэди, ну какой может быть вред от нескольких сэндвичей, которые мы продали с черного хода? Это же не то чтоб они зашли сюда и сели с вами за

один стол.

– Ну не знаю, Руфь... Надо будет поговорить с ребятами.

– Никому они не мешают, никого не трогают...

Грэди задумался.

– Ладно, шут с вами. – Он погрозил Иджи пальцем: – Но чтобы только с черного хода, слышишь?

Грэди поднялся, надел шляпу и снова повернулся к Иджи:

– Покер-то в пятницу состоится?

– Ага, в восемь. И захвати побольше денег, я чувствую, мне повезет.

– Я скажу Джеку и остальным... Пока, Руфь.

– Пока, Грэди.

Иджи покачала головой, глядя ему вслед.

– Жаль, Руфь, что ты не видела, как этот здоровый бугай, пьяный как собака, три дня подряд ревел у реки не хуже ребенка, когда умер Джо, старый негр, который его вырастил. Клянусь, я не понимаю, почему люди перестали использовать свои мозги по назначению. Ты только подумай: этим ребятам противно сесть за стол с черным, но зато они преспокойно едят яйца, вылезшие прямо из куриной задницы.

– Фу, Иджи!

Иджи засмеялась:

– Прости, но иногда они меня просто бесят.

– Знаю, дорогая. Постарайся не принимать это близко к сердцу. Люди так устроены, и ничто в мире их не изменит. Даже ты.

Иджи улыбнулась и подумала: «Что бы со мной стало, если бы не Руфь, с которой всегда можно выпустить пар». Руфь тоже улыбнулась.

Обе понимали – надо что-то делать. И на следующий день блюда в меню, висевшем на двери черного хода, стали на пять-десять центов дешевле. Они решили, что так будет справедливо.

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

6 апреля 1933 г.

В КАФЕ ПОМЕНЯЛОСЬ МЕНЮ

Постоянные посетители кафе, заглянув на прошлой неделе в меню, сильно удивились: помимо всего прочего, там значилось филе опоссума, ребро скунса, козлиная печень с луком, пудинг с лягушатиной и пирог с паштетом из грифа.

Одна семейная пара приехала аж из самого Гейт-сити только ради того, чтобы пообедать. Они прочитали меню, развернулись и успели отойти на полквартила, когда Иджи открыла дверь и прокричала: «Первое апреля – никому не верю!»

Этой супружеской паре из Гейт-сити за причиненный моральный ущерб кроме обеда бесплатно подали пирог с кокосовым кремом.

Кстати, моя дражайшая половина на днях впустил в дом одну из своих охотничьих собак. Псина приволокла кость, и, представьте себе, я поскользнулась на ней и сломала на ноге большой палец. Доктор Хэдли положил гипс, но теперь мне приходится являться на работу в тапочках, и я не могу

ходить собирать новости. Так что если у вас есть интересные сообщения, приносите мне их сами на почту.

Дот Уимс

Родс-Серкл, 212

Бирмингем, штат Алабама

19 января 1986 г.

Опять наступило воскресенье, и Эвелин с мужем собирались в приют. Эвелин сняла с огня кофейник и подумала: «Хорошо бы сегодня никуда не ездить». Но когда дело касалось матери, Эд был непреклонен, так что она даже не решилась заикнуться о том, как ей не хочется тащиться в такую даль ради того, чтобы сказать «здрасьте» вечно ноющей, требовательной свекрови.

Для нее эти поездки были пыткой. Она ненавидела запах болезни, лизола, смерти. Это напоминало ей о матери, о докторах и больницах.

Эвелин было сорок, когда умерла мама. Тогда она и начала бояться смерти. Теперь, открывая по утрам газету, она первым делом, не заглянув даже в свой гороскоп, читала колонку некрологов. Сообщения, где усопшему было лет семьдесят-восемьдесят, приносили ей облегчение, а если покойник доживал до девяноста, она искренне радовалась и чувствовала себя в некоторой безопасности. Но стоило ей прочесть о смерти сорока- или пятидесятилетнего человека – и целый день она чувствовала себя не в своей тарелке, особенно если в конце некролога семья усопшего просила присылать пожертвования в Общество борьбы с раком. Но хуже всего на нее действовали сообщения, в которых причина смерти не объяснялась.

После непродолжительной болезни... Какой?

Скоропостижно скончался... От чего?

Какой именно несчастный случай?

Она хотела, чтобы все было написано подробно, черным по белому. Никаких предположений и недомолвок. Особое отвращение она испытывала, если семья просила направлять пожертвования в Общество защиты животных. Что это значит? Человек умер от бешенства? Собака укусила?.., или кошка поцарапала?

Но все-таки большинство просьб о пожертвованиях относились к Обществу борьбы с раком. Она удивлялась, почему ей приходится жить в теле, которое стареет, ломается и болит? Почему было не поселиться внутри доски? Или в печке? Или в стиральной машине? Куда лучше иметь дело с обыкновенным мастером, с электриком, например, или водопроводчиком, чем позволять врачам тебя трогать. Когда у нее начались родовые схватки, доктор Клайд, акушер, стоял над ней и врал прямо в лицо:

– Миссис Коуч, вы позабудете об этой боли, как только увидите своего малыша. Так что поднатужьтесь немного, и все. Вы об этом даже не вспомните, поверьте мне!

Какая ложь! Она помнит каждый спазм – такая была запредельная, невыносимая боль – и ни за что не стала бы рожать второго ребенка, если бы не настойчивые просьбы Эда. И еще одна ложь: второго родить оказалось ничуть не легче, чем первого, даже труднее, поскольку уже знаешь, что тебе предстоит. Она злилась на Эда все девять месяцев, и слава богу, у них теперь есть Томми, потому что больше – ни за что, никогда! Насколько, конечно, это от нее зависит.

Всю жизнь она боялась врачей. Сначала относилась к ним с недоверием, а теперь – с ненавистью, отвращением и презрением. С тех пор как в палату, где лежала ее мать, с важным видом вошел тот доктор с историей болезни под мышкой...

Щуплый, костлявый бог в дешевом костюме и грубых башмаках. Такой самодовольный, такой весь значительный, с порхающими вокруг медсестричками – гейши, да и только! Он даже не был маминым лечащим врачом, просто совершал утренний обход. Эвелин стояла у постели, держа маму за руку Войдя, он не счел нужным представиться.

Она сказала:

– Здравствуйте, доктор. Я ее дочь, Эвелин Коуч.

Не отрывая взгляда от записей, он громко произнес:

– У вашей матери быстро прогрессирующий рак легких, метастазы в печени, поджелудочной железе и селезенке с некоторыми признаками распространения процесса на костный мозг.

До этого мама даже не подозревала, что у нее рак. Эвелин не хотела, чтобы она знала, она и так была достаточно напугана. До самой смерти Эвелин не забудет выражение животного ужаса на мамином лице и этого доктора, который шествовал по коридору, упиваясь своим величием. Через два дня мама впала в кому.

Она запомнила и эти серые, стерильные бетонные стены комнаты ожидания в отделении реанимации, где она просидела несколько недель, нервничая и смущаясь, как и остальные посетители. Они знали, что их родные лежат в соседней комнате – холодной, лишенной солнечного света – и ждут смерти.

А они сидят здесь, совершенно чужие друг другу люди, в крошечном замкнутом пространстве, вынужденные быть на виду в самый сокровенный, самый болезненный момент своей жизни. Не знают, что говорить, как себя вести. Никакие правила этикета здесь не действовали. Никто не подготовил их к такому тяжелому испытанию. Эти несчастные, перепуганные и смущенные, как и она сама, люди были почти в шоке, но, храбрясь, говорили о повседневных заботах, о том, что все будет хорошо.

Родственники одной пациентки так боялись, что не могли заставить себя поверить, что умирающая за стеной женщина – их мать. Называли ее «наш пациент» и спрашивали Эвелин, как дела у «ее пациента», отодвигая от себя правду как можно дальше и стараясь смягчить боль.

Ежедневное совместное ожидание. Ожидание того страшного момента, когда их вызовут, чтобы принять решение – отключать систему или нет.

- Так будет лучше...
- Чтобы поскорее отмучились...
- Они бы сами этого хотели...
- Врачи говорят, что они уже умерли...
- Это только техническая сторона дела...

Техническая сторона дела?

Спокойные, взрослые рассуждения... А на самом деле хотелось одного – кричать и звать маму, милую маму, единственного человека на всем белом свете, который любил ее так, как никто в мире больше не полюбит.

В ту субботу врач заглянул в комнату ожидания. Все разговоры смолкли, все глаза прикованы к его лицу. Он оглядел сидевших.

– Миссис Коуч, можно вас на минуту в мой кабинет?

Пока она дрожащими руками собирала сумку, сердце ее колотилось, остальные глядели на нее с сочувствием, а какая-то женщина ласково тронула ее за плечо, но все они мысленно благодарили Бога, что пришли не за ними.

Словно под гипнозом, Эвелин внимательно слушала врача. Он говорил об этом как о чем-то простом и естественном: «Нет смысла продолжать мучения...»

По его словам выходило, что это самое разумное решение. Она поднялась как зомби и пошла домой. Ей казалось, что она готова смириться и отпустить маму.

Готова?! Да нет же, никто не может просто взять и отключить аппарат, поддерживающий жизнь матери, и нет этому оправдания. Выключить свет своего детства и уйти, словно погасить лампу и выйти из комнаты.

Она никогда не простит себя за то, что не хватило смелости вернуться в больницу и быть до конца рядом с матерью. До конца дней суждено ей просыпаться в слезах от чувства вины, и ничто в мире ей не поможет.

Кто знает, может, именно тогда Эвелин и начала бояться всего, что связано с докторами и больницами. Но теперь при мысли о посещении врача она в буквальном смысле покрывалась холодным потом и начинала дрожать с головы до ног. Стоило ей услышать слово «рак», как волосы на ее руках вставали дыбом. Она перестала трогать грудь, потому что один раз нащупала какое-то уплотнение и чуть не упала в обморок. К счастью, это оказалась бумажная салфетка, попавшая в бюстгальтер. Она прекрасно понимала, что страх этот совершенно беспричинный, просто надо сходить и провериться. Ей сказали, что раз в год необходимо проходить осмотр. Это в ее же интересах и в интересах ее детей. Все это она знала, и что с того! Наберется храбрости, назначит время, а в последнюю минуту позвонит и отменит.

Последний раз она ходила к врачу шесть лет назад с воспалением мочевого пузыря. Она хотела только одного – получить рецепт на антибиотики, что вполне можно было сделать по телефону, но врач заставил ее прийти для обследования почечной лоханки. Лежа с задранными ногами, она думала: что может быть гнуснее, чем когда совершенно не знакомый мужик ковыряется у тебя внутри и что-то там разглядывает, будто ты мешок с подарками?

Потом врач спросил, когда у нее последний раз осматривали грудь, и Эвелин соврала: «Три месяца назад».

– Ну что ж, – сказал он, – раз вы все равно здесь, давайте я вас посмотрю.

Эвелин затараторила со скоростью миля в минуту, пытаясь заговорить ему зубы, но он прервал ее на полуслове:

– Так, что-то мне это не нравится.

Дни ожидания результата анализа были невыносимы. Она бродила из угла в угол в тумане бессонниц и ночных кошмаров, молилась и торговалась с Господом, хотя не была до конца уверена, что верит в Него. Обещала, что если Он позволит ей не заболеть раком, то она больше никогда и ни на что не пожалуется и весь остаток жизни будет радоваться, что жива, совершать

добрые поступки, помогать бедным и каждое утро ходить в церковь.

Но, узнав, что все в порядке и не надо готовиться к скорой смерти, Эвелин вновь стала сама собой. Однако теперь, после всех ужасов, ее пугала любая, даже крохотная боль. Ей казалось, что у нее злокачественная опухоль и стоит ей пойти проверяться, как врач, даже не выслушав как следует сердце, сразу отправит ее на операционный стол, откуда невозможно будет сбежать. Эвелин жила с мыслью, что одной ногой стоит в могиле, и как-то, разглядывая свою ладонь, вообразила, будто даже линия жизни у нее стала короче.

Понимая, что ей не под силу еще раз вынести мучительное ожидание результатов обследования, она решила: будь что будет, лучше умереть на ходу, не зная, больна ты или здорова.

В то утро по пути в приют для престарелых «Розовая терраса» Эвелин поняла, что жизнь ее стала невыносимой. Каждый день, проснувшись, ей приходится что-то выдумывать, чтобы заставить себя встать и начать день. Например, она уверяет себя, что сегодня произойдет что-нибудь замечательное – внезапно зазвонит телефон, и ей сообщат такие хорошие новости, уж такие хорошие... или в почтовом ящике ее ждет какой-нибудь сюрприз. Но почта приходила самая обычная, телефон звонил, потому что кто-то ошибся номером, а в дверь стучала соседка, которой понадобилась какая-то мелочь.

Тихое и страшное отчаяние овладело ею, когда она поняла, что ничего не изменится, никто не придет и не заберет ее отсюда. Будто она кричит со дна колодца, и никто ее не слышит.

Жизнь Эвелин превратилась в бесконечную вереницу долгих, черных ночей и серых дней, предчувствие близкой смерти накрыло ее гигантской волной. И она испугалась. Нет, не смерти. Она смотрела в черную бездну смерти, и ей хотелось только одного – прыгнуть туда. Честно говоря, эта мысль стала посещать ее все чаще и чаще.

Она даже придумала, как убьет себя. Серебряной пулей. Круглой, гладкой, как кусок голубого льда в бокале мартини. Но прежде она положит пистолет на несколько часов в холодильник, чтобы сталь была холодной, заиндевет, когда прислонится к виску. Она почти ощущала, как ледяная пуля проходит сквозь ее горячий, измученный мозг, но от холода ей совсем не больно.

Последнее, что она услышит, – это грохот выстрела. А потом... безмолвие. Может быть, только тихий-тихий звук, какой, наверно, слышат лишь птицы в ясном, морозном воздухе высоко над землей. Сладком, чистом воздухе свободы.

Нет, не смерти она боялась. Она боялась жизни, которая стала напоминать ей серую комнату ожидания в отделении реанимации.

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

16 мая 1934 г.

УКУС КРЫСЫ

Берта Вик сообщила, что в пятницу в два часа ночи она пошла в туалет, где ее укусила крыса, которая забралась в ванную комнату по трубам. Она побежала будить Харольда, но он сперва не поверил, а потом пошел и убедился: действительно, в унитазах плавают крысы. Моя дражайшая половина Уилбур объясняет это так: вероятно, крысы полезли в трубы из-за наводнения. А Берта говорит, что ей плевать на причины, просто теперь она будет всегда оглядываться, прежде чем куда-либо сесть.

Харольд отдал сделать из крысы чучело.

Никому не показалось, что в этом месяце выросла плата за свет? Нам пришли огромные счета, и меня это весьма удивило, поскольку мой дорогой на целую неделю уезжал рыбачить вместе со своим братом Альтоном, а он у нас единственный, кто не выключает за собой свет.

Кстати, Эсси Ру устроилась на работу в Бирмингеме. Она играет на органе песню «Жизнь под защитой» для страховой компании с тем же названием. Так что слушайте радио.

Дот Уимс

Приют для престарелых «Розовая терраса»

Старое шоссе Монтгомери, Бирмингем, штат Алабама

19 января 1986 г.

Решив, что Эвелин в это воскресенье не приедет, миссис Тредгуд отправилась прогуляться по коридору в ту сторону, где в маленькой комнатке хранились палки для прогулок и кресла-каталки. Свернув за угол, она увидела Эвелин, одиноко сидевшую в кресле на колесиках с шоколадкой в руке. По ее лицу катились крупные слезы. Миссис Тредгуд подошла поближе.

– Милочка, что вас так огорчило?

Эвелин глянула на миссис Тредгуд.

– Не знаю, – сказала она, продолжая плакать и жевать шоколадку.

– Ну-ка, милочка, берите свою сумку и давайте немного пройдемся.

Миссис Тредгуд взяла ее за руку, помогла встать с кресла, и они стали гулять по коридору.

– А теперь, дорогуша, рассказывайте, что там у вас стряслось? Чем вы так расстроены?

– Не знаю, – сказала Эвелин и снова разрыдалась.

– Ну, милочка, неужели все так плохо? Не может быть. Расскажите-ка по порядку, что вас беспокоит.

– Ну... просто с того момента, как мои дети пошли в колледж, меня не покидает чувство безысходности.

– Это очень даже понятно, милочка, все через такое проходят.

Эвелин продолжала:

– И... и еще я не могу перестать есть. Я стараюсь, стараюсь, по утрам просыпаюсь и думаю, что уж сегодня обязательно выдержу диету, и каждый день срываюсь. Прячу шоколадки по всему дому, даже в гараже. Не знаю, что со мной такое.

Миссис Тредгуд улыбнулась:

– Дорогая, ну что с вами будет от одной-то шоколадки?

– От одной ничего, а если шесть или восемь? Я уже мечтаю отрастить огромное брюхо и сдохнуть наконец от ожирения. Или чтобы у меня хватило силы воли похудеть и стать тонкой и стройной. У меня такое чувство, словно я застряла... застряла где-то посередине. Слишком поздно началась борьба женщин за независимость, у меня уже были муж и двое детей, и вдруг на тебе! Оказывается, замуж выходить было вовсе не обязательно. А я думала, все должны. Что я вообще знала! А теперь уж ничего не изменишь... Как будто и не жила вовсе. – Она повернулась в слезах к миссис Тредгуд: – Ох, миссис Тредгуд, я слишком молода, чтобы стать старухой, и слишком стара, чтобы быть молодой. Я везде лишняя. Мне хочется убить себя, да смелости не хватает.

Миссис Тредгуд ужаснулась:

– Эвелин Коуч, не смейте даже помышлять о таких вещах! Это все равно что вонзить нож прямо в сердце Иисусу! Какие глупейшие разговоры, милочка моя. Вам надо просто взять себя в руки и открыть сердце Господу. Он поможет. А теперь позвольте, я кое-что спрошу... У вас болят груди?

Эвелин удивленно посмотрела на нее:

– Иногда.

– А поясница и ноги?

– Да. Но откуда вы узнали?

– Все понятно, дорогая. Вы тяжело переносите климакс, только и всего. Вам нужно принимать гормоны, каждый день гулять на свежем воздухе, и станет легче. Когда у меня это началось, я так и делала. Бог мой, как вспомню... Ела бифштекс и рыдала над бедной коровой. Обожала выводить из себя Клео, все время ревела и думала, что никто меня не любит. А когда Клео становилось совсем уж неумоготу, он говорил: «Нинни, пора тебя уколоть», – и всаживал мне витамин В

прямо в задницу.

Каждое утро я ходила гулять вдоль железной дороги, туда и обратно, вот как мы сейчас ходим, и скоро протоптала себе тропинку сквозь это испытание, стала опять нормальной.

– Но мне-то вроде рановато еще... – сказала Эвелин. – Мне только сорок восемь.

– Ой, нет, милочка, у многих это даже раньше начинается. Одной женщине из Джорджии было всего тридцать шесть, так она в один прекрасный день села в машину, въехала на ступени здания суда и кинула прямо в руки полицейскому голову своей матери, которую только что отрезала в кухне ножом. Потом она крикнула: «Держите, это то, что вы ищете», – и съехала обратно по ступеням. Вот что может натворить ранний климакс, если вовремя не принять меры.

– Вы действительно считаете, что причина в этом? Думаете, я поэтому такая раздражительная?

– Несомненно. Ой, это хуже карусели... вверх-вниз, вниз-вверх... Кстати, о вашем весе. Вы же не хотите быть тощей, правда? Бог мой, да вы только посмотрите на здешних старух, почти все – кожа да кости. Вам бы сходить в баптистскую больницу, в раковый корпус. Там все мечтают хоть немного поправиться и сражаются за каждый фунт веса. Так что перестаньте думать об этом и радуйтесь жизни. Единственное, что вам необходимо, – это читать Библию, и обязательно – девяностый псалом, причем каждое утро, каждое! Обязательно

поможет, как и мне.

Эвелин спросила миссис Тредгуд, бывает ли у нее депрессия.

Миссис Тредгуд честно ответила:

– Нет, милочка, давно не было, я слишком занята тем, что благодарю Господа за его благодеяния – даже не счесть, сколько их было. Не поймите меня превратно, у всех свои печали, каждый несет свой крест.

– А мне показалось, что вы такая счастливая, будто у вас и забот никогда не было.

Миссис Тредгуд засмеялась:

– Ах, милочка, я столько на своем веку похоронила и каждую могилу оплакивала не меньше предыдущей. Было время, когда я удивлялась, за что Господь наградил меня таким печальным бременем, порой казалось, ни дня больше не выдержу. Но Он дает ровно столько, сколько тебе по силам вынести, не больше. И вот что еще я вам скажу: нельзя предаваться унынию, от этого и впрямь заболеть недолго.

Эвелин кивнула:

– Вы правы. Эд предлагал мне сходить к психотерапевту.

– Милочка, вам это абсолютно ни к чему. Когда захотите поговорить по душам, приезжайте ко мне, я вам прочищу мозги не хуже доктора, причем бесплатно и с огромным удовольствием.

– Спасибо, миссис Тредгуд. – Эвелин посмотрела на часы. – Ой, мне пора. Эд, наверное, злится уже.

Она достала из сумочки бумажную салфетку, испачканную шоколадом, и высморкалась.

– А знаете, мне как-то полегчало. Правда!

– Что ж, я рада. Буду молиться, чтобы у вас хватило сил. Вам следует почаще ходить в церковь и просить Господа облегчить вашу ношу, помочь пройти через это. Мне он столько раз помогал.

– Спасибо, – сказала Эвелин. – Ну, до следующей недели, да? – И пошла к выходу.

Миссис Тредгуд крикнула ей вслед:

– И если что – принимайте успокоительное номер десять!

– Номер десять?

– Да! Именно десять.

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

8 июня 1935 г.

УСПЕШНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В ТЕАТРЕ

В пятницу вечером Драматический театр Полустанка давал спектакль в честь своей годовщины, и мне хочется сказать: «Отличная работа, друзья!» Пьеса называлась «Гамлет», английского драматурга мистера Уильяма Шекспира, уже знакомого жителям Полустанка по прошлогодней постановке.

Гамлета играл Эрл Эдкок-младший, а его возлюбленную – племянница доктора Хэдли, Мэри Бесс, которая специально ради этого приехала к нам из города. Кто не был на премьере, знайте, что под конец она кончает жизнь самоубийством. К сожалению, я ее едва слышала, и в любом случае она, по-моему, слишком молода для этой роли.

В роли отца Гамлета выступил преподобный Скроггинс, а мать сыграла Веста Эдкок, директор драмтеатра и, как вы знаете, настоящая мать Эрла Эдкока-младшего.

Музыку к спектаклю сочинила Эсси Ру Лаймуэй, и благодаря ей сцена дуэли на шпагах получилась еще более захватывающей.

Кстати, Веста говорит, что на следующий год они готовят представление в живых картинах под названием «История Полустанка», текст которой пишет она сама. Так что если у вас припасены какие-нибудь забавные истории, приносите ей.

Дот Уимс

Приют для престарелых «Розовая терраса»

Старое шоссе Монтгомери, Бирмингем, штат Алабама

26 января 1986 г.

Эвелин поздоровалась со свекровью и побыла с ней ровно столько, сколько требовало приличие, а потом поспешила в зал для посетителей, где ее ждала подруга.

– Ну что, милочка, как вы?

– Хорошо, миссис Тредгуд. А вы как?

– Ну, я-то нормально. Вы принимали те таблетки, что я посоветовала?

– Конечно.

– Помогло?

– По-моему, помогло, миссис Тредгуд.

– Что ж, рада слышать.

Эвелин полезла в сумку.

– Ну, что там у вас сегодня?

– Три коробки изюма в шоколаде. Куда же я их положила?

– Изюм в шоколаде? Должно быть, очень вкусно.

Миссис Тредгуд наблюдала, как Эвелин роется в сумке.

– Милочка, а вы не боитесь, что у вас там заведутся муравьи? Разве можно носить в сумке сладости?

– Я как-то не думала об этом, – ответила Эвелин, обнаружив наконец то, что искала, и пакетик мятного драже в придачу.

– Спасибо, милочка, я обожаю сладкое. Когда-то я любила карамельки «Тутси», но, знаете, они прилипают к зубам, а потом отлипают, но уже вместе с зубами. Кстати, с козинаками та же история.

Вошла чернокожая медсестра по имени Джинин. Она искала мистера Данауэя, чтобы дать ему успокоительное, но в комнате, как обычно по воскресеньям, сидели только две женщины. Когда медсестра вышла, миссис Тредгуд сказала:

– Хорошо, что цветных теперь повсюду принимают на работу Возьмем, к примеру, Онзеллу, жену Большого Джорджа. Кожа у нее была не такая уж темная, цвета ореха, а волосы рыжие, и еще веснушки. Знаете, она чуть матери сердце не разбила, когда вышла за Джорджа, потому что тот был жутко черным. Но она ничего не могла с собой поделать, говорила, что любит его, такого большого и черного, а Джордж действительно был самым огромным и самым черным человеком на свете. Потом Онзелла родила близнецов, и Джаспер был похож на нее, а Артис получился ужасно черным, у него даже десны были синие.

Онзелла говорила: просто не верится, что из нее могло вылезти такое чернящее существо.

– Синие десны?

– Да, милочка, синее не бывает. А затем родился Билли, тот был весь в нее, светлый, с зелеными глазами. Конечно, по-настоящему его звали Чудный Советник, это имя из Библии, но мы его называли Билли.

– Чудный Советник? Что-то я не припомню такого имени. Вы уверены, что оно из Библии?

– Да! Онзелла нам показывала: «И нарекут его Чудный Советник»[12 - Неточная цитата из Книги пророка Исаии, 9:6.]. Она была очень религиозной. Всегда говорила, что, когда расстроится, стоит ей подумать о дорогом Иисусе, и настроение сразу поднимается, прямо как ее сдобное печенье. А потом появилась Озорная Птичка, вся черная, в отца, с очень смешными кудряшками, но десны не синие.

– Только не говорите, что это имя тоже из Библии.

Миссис Тредгуд засмеялась:

– Бог мой, конечно нет, милочка. Сипси всегда говорила, что эта девочка похожа на маленькую тощую птичку Вечно прибежит в кухню, утащит пару плюшек, которые пекла ее мать, потом заберется в подпол и там ест. Вот Сипси и окрестила ее Озорной Птичкой. Она и впрямь чем-то напоминала черного дрозденка. Так вот они и жили – двое светленьких и двое черных детей в одной семье.

А здесь, в «Розовой террасе», цветных пациентов нет, только уборщицы и несколько медсестер. А одна из них такая умница оказалась – получила диплом и стала старшей сестрой. Джинин ее зовут, очень симпатичная, шустрая, и к каждому пациенту у нее свой подход. Она немного напоминает мне Сипси – такая же независимая.

Сипси до самой смерти жила одна. Вот почему мне так хочется домой. Я ужасно боюсь загреметь в больницу. В мои годы стоит туда попасть, и уже не выберешься. И вообще, в больнице совсем небезопасно.

У моей соседки миссис Хартман кузина работает в больнице в Атланте, так вот она рассказала, что у них один пациент вышел из палаты подышать свежим воздухом, а нашли его только через полгода, на крыше. Оказалось, его там заперли. Говорит, от него один скелет остался в больничной пижаме. А мистер Данауэй жаловался, что в больнице у него украли вставную челюсть прямо из стакана, пока его возили на операцию. Ну скажите на милость, кому могла понадобиться стариковская челюсть?

– Не знаю, – сказала Эвелин.

– Вот и я не знаю.

Трутвилль, штат Алабама

2 июня 1917 г.

Когда Сипси вручила Онзелле ее новорожденных малышей, счастливая мать не поверила собственным глазам. Первый сын, она назвала его Джаспером, был цвета кофе с молоком, а второй, Артис, – черным как уголь. Большой Джордж, увидев их, хохотал так, что у него чуть голова не оторвалась.

Сипси заглянула Артису в рот.

– Погляди-ка, Джордж, у этого малютки синие десны. – Она покачала головой. – Да сохранит нас Господь.

Большой Джордж беззаботно заливался смехом, он не верил в предрассудки.

Спустя десять лет ему уже было не до смеха. Сегодня он выдрал Артиса за то, что тот поранил брата перочинным ножом. Артис успел вонзить нож в плечо Джаспера пять раз, пока старшему удалось оторвать его от себя и отшвырнуть на другой конец двора.

Джаспер с криком помчался в кафе, зажимая кровоточащую руку и зовя мать. Большой Джордж в это время жарил барбекю на заднем дворе. Увидев окровавленного сына, он схватил его и побежал к врачу.

Доктор Хэдли промыл и перевязал раны, и, когда Джаспер объяснил ему, что это сделал брат, Большой Джордж просто голову потерял от ярости.

Ночью оба мальчика не могли уснуть от боли. Они лежали в кроватях, глядели в окно на луну и слушали ночные песни лягушек и сверчков.

Артис повернулся к брату, который при свете луны казался почти белым, и сказал:

– Я знал, что так делать нельзя, но это было так приятно, что я просто не мог остановиться.

Еженедельник миссис Уимс

«Бюллетень Полустанка»

1 июля 1935 г.

СОБРАНИЕ КЛУБА «ИЗУЧАЕМ БИБЛИЮ»

В среду на прошлой неделе в доме миссис Весты Эдкок состоялось собрание женского клуба «Изучаем Библию» при баптистской церкви Полустанка. На собрании говорили о проблемах изучения Библии и решали, как ее сделать более доступной пониманию наших сограждан. Темой обсуждения были «Ной и

его ковчег» и «Зачем Ной спас двух змей, если у него была прекрасная возможность избавиться от них раз и навсегда». Если кто-то знает ответ на этот вопрос, большая просьба позвонить Весте Эдкок.

В субботу Руфь и Иджи устроили день рождения своему малышу. Гости развлекались тем, что прикалывали ослику хвост, ели пирог и мороженое. Все получили в подарок стеклянные паровозики со сладким драже внутри.

Иджи сказала, что в следующую пятницу они собираются поехать в кино, у кого есть желание составить им компанию, присоединяйтесь.

Раз уж речь зашла о кино, то расскажу забавный случай. Два дня назад, вернувшись с почты, я обнаружила мою дражайшую половину в страшной спешке: ему хотелось поскорее добраться до Бирмингема и попасть на ранний сеанс, пока не подскочили цены на билеты. Он так торопился, что схватил в охапку свое пальто, и мы выскочили из дому. Весь фильм он изводил меня жалобами, что у него болит спина. А вернувшись домой, обнаружил, что впопыхах забыл вытащить из пальто деревянные плечики. Я пообещала ему, что в следующий раз мы пойдем на самый дорогой сеанс, поскольку он мне испортил весь фильм своим ерзаньем и кряхтеньем.

Кстати, никто не хочет купить по дешевке слегка подержанного мужа?

Шучу, Уилбур.

Дот Уимс

Приют для престарелых «Розовая терраса»

Старое шоссе Монтгомери, Бирмингем, штат Алабама

2 февраля 1986 г.

Когда Эвелин вошла в комнату, подруга встретила ее словами:

– Ой, Эвелин, как жаль, что вы не приехали на десять минут раньше. Упустили такую возможность познакомиться с моей соседкой миссис Хартман. Смотрите, что она мне принесла.

Она показала Эвелин небольшой цветок «тещин язык» в керамическом белом горшочке, сделанном в форме кокер-спаниеля.

– А миссис Отис она подарила чудную лилию. Я страшно хочу, чтобы вы познакомились, она бы вам понравилась. Это ее дочка поливает мои герани. Я ей все-все про вас рассказала.

– Да, жалко, что мы не встретились, – сказала Эвелин и протянула миссис Тредгуд розовый кекс, купленный утром в пекарне Уэйтис.

Миссис Тредгуд рассыпалась в благодарностях и, устроившись поудобней, принялась есть кекс и любоваться своим цветком.

– Я так люблю кокер-спаниелей, а вы? Никто на свете не радуется сильнее кокер-спаниеля, когда встречает знакомого. Помню, у мальчонки Руфи и Иджи был спаниель, и каждый раз, когда я заходила, он так крутился около меня и вилял хвостом, будто мы несколько лет не виделись. Даже если я только за угол отошла и вернулась. А кошки совсем другое дело. Делают вид, будто вы их ничуть не интересуете. Вот и некоторые люди так же... стараются держаться особняком и не позволяют себя любить. Иджи была как раз такой.

– Правда? – Эвелин откусила кусочек кекса.

– Да, милочка. Она даже в школе всех удивляла. На занятия почти не ходила, а уж если появлялась, то в этом отвратительном старом комбинезоне, который еще Бадди носил. В основном пропадала в лесу вместе с Джулианом и его друзьями, охотилась, ловила рыбу. Но знаете, все ее просто обожали. И мальчишки, и девчонки, и белые, и цветные, все мечтали дружить с ней. Иджи улыбалась своей неотразимой улыбкой и, стоило ей захотеть, могла рассмешить кого угодно! Я уже говорила, что она была такой же обаятельной, как Бадди.

Но в Иджи было что-то от дикого зверька. Она никого не подпускала слишком близко. Едва заподозрив, что к ней питают какие-то чувства, она тут же убегала в лес. Разбивала сердца налево и направо. Сипси говорила, что Иджи выросла такой дикаркой, потому что ее мама ела дичь во время беременности.

Но когда появилась Руфь... Вряд ли вам доводилось видеть, чтобы человек так круто менялся. Руфь приехала из Валдосты, штат Джорджия, чтобы помочь устраивать летние пикники в маминой церкви. Ей было года двадцать два, не больше. Светлые золотисто-каштановые волосы, карие глаза с длинными ресницами. Она говорила так мягко и приветливо, что некоторые влюблялись в нее с первого взгляда, просто невозможно было удержаться. Очень уж милая была девушка, и чем ближе с ней знакомились, тем прекрасней она казалась.

Она раньше никогда не уезжала так далеко от дома и сначала немного стеснялась. Это понятно, росла одна, ни братьев, ни сестер.

Родители ее были уже в преклонном возрасте, когда она родилась. Отец, священник в Джорджии, видно, растил ее в строгости.

Но как только ее увидели городские парни... Даже те, кто за всю жизнь ни разу в церковь носа не показывал, повадились туда ходить каждое воскресенье. Думаю, она не понимала своей красоты. Ко всем была добра, а Иджи просто очаровала. Иджи тогда исполнилось пятнадцать. Или шестнадцать, не помню точно.

Первую неделю, пока Руфь жила у нас, Иджи висела на дереве иранской мелии и тарасилась на нее всякий раз, когда та входила в дом или выходила. Потом начала выдрючиваться, болталась вниз головой на ветке, кидала в сад футбольный мяч или являлась домой с огромной связкой рыбы через плечо – и точно в тот момент, когда Руфь должна была пройти по улице, возвращаясь из церкви.

Джулиан как-то ехидно заметил, что она вовсе не ловит рыбу, а покупает ее на берегу у негритянских мальчишек. Он допустил большую ошибку, сказав это в присутствии Руфи, и расплатился за это парой хороших туфель, которые Иджи той же ночью набила коровьим навозом.

Потом в один прекрасный день мама сказала Руфи: «Пожалуйста, сходи и попробуй заставить мою младшую сестру за стол и поужинать как человек».

Иджи в это время сидела на дереве и читала журнал «Настоящий детектив». Руфь вышла во двор и спросила, не может ли она спуститься и поесть за столом. Не повернув к ней головы, Иджи ответила, что подумает. Мы уже сели за стол и заканчивали молитву, когда Иджи вошла в дом и поднялась к себе наверх. Слышим, в ванной зашумела вода, и через пять минут Иджи, которая не часто баловала нас своим обществом, показалась на ступеньках.

Мама глянула на нас и шепнула: «Тихо, дети, у вашей сестры появился предмет обожания, и избави вас бог поднять ее на смех! Ясно?»

Мы обещали не смеяться. И тут Иджи подошла к столу... Лицо она отмыла до блеска, а волосы смазала каким-то старым жиром, который отыскала наверху в ящичке с лекарствами. Мы все старались не подавать виду, но уверяю вас, это было то еще зрелище! Когда Руфь спросила, не положить ли ей еще фасоли, Иджи так покраснела, что уши у нее стали похожи на два спелых помидора... Пэтси Рут первая не выдержала и хихикнула, – это был всего лишь негромкий смешок, – за ней не утерпела и Милдред. А я не говорила вам, что всегда была обезьянкой? Так вот, я тоже прыснула. А Джулиан, который вообще не умел держать себя в руках больше минуты, взял да и опрокинул тарелку с картофельным пюре прямо на колени бедняге Эсси Ру, сидевшей за столом напротив него.

Все это, конечно, было ужасно, но что поделаешь, у нас часто такое случалось. Мама сказала: «Можете выйти из-за стола, дети». И мы помчались в маленькую гостиную и стали хохотать как ненормальные, попадали на пол и чуть не померли со смеху. Пэтси Рут даже описалась. Но смешнее всего было то, что Иджи настолько ошалела от Руфи, что так и не поняла, над чем мы смеялись. Проходя мимо нас, она заглянула в комнату и строго сказала:

– Очень мило вы себя ведете, у нас вообще-то гость, как-никак.

После чего мы, разумеется, начали корчиться от нового приступа смеха.

Иджи довольно быстро превратилась в ручного зверька. Руфь, наверно, чувствовала себя одинокой в то лето, а Иджи умела ее рассмешить. Нет, не то

слово, она просто из кожи лезла, чтобы как-нибудь развлечь гостью. Мама говорила, что в то время она могла заставить Иджи сделать все, что угодно, – достаточно было, чтобы ее просьбу передала Руфь. Мама говорила, что Иджи со скалы спрыгнет, если об этом попросит Руфь. Так оно и было! Впервые со смерти Бадди Иджи появилась в церкви.

Она ходила за Руфью как хвостик. И чувство это было взаимным. Они были просто созданы друг для друга, могли сидеть рядышком на крыльце и хихикать всю ночь напролет. Даже Сипси над ней подшучивала. Стоило Иджи оказаться рядом, как Сипси будто про себя бормотала: «Бедняжку Иджи укусил любовный клопик».

Замечательно прошло лето. Руфь, которую дома, наверное, заставляли ходить по струнке, совершенно не умела веселиться. Но вскоре она уже подпевала вместе со всеми, стоило Эсси Ру усесться за пианино.

Мы все были счастливы, но однажды мама сказала мне, что с ужасом думает о том дне, когда закончится лето и нашей гостье придется возвращаться домой.

Полустанок, штат Алабама

18 июня 1924 г.

Руфь жила в Полустанке уже около двух месяцев. В ту субботу в окно ее спальни кто-то постучал в шесть утра. Она открыла глаза. На ветке иранской мелии сидела Иджи и знаками умоляла открыть окно. Полусонная Руфь поднялась с постели.

– Чего так рано?

– Ты же обещала пойти со мной на пикник.

– Я помню, но почему в такую рань? Суббота же.

– Ну пожалуйста. Ты ведь обещала. Если ты сию минуту не выйдешь, я спрыгну и разобьюсь. Что тогда будешь делать?

Руфь засмеялась.

– Ладно, а как же Пэтси Рут, Милдред и Эсси Ру? Они не пойдут с нами?

– Нет.

– А тебе не приходило в голову, что их тоже надо пригласить?

– Нет. Ну пожалуйста, я хочу, чтобы только ты и я. Прошу тебя! Я тебе кое-что покажу.

– Иджи, боюсь, они обидятся.

– Ой, да не обидятся. Они все равно не собирались никуда идти. Я уже спрашивала, и они сказали, что хотят остаться дома, к ним собираются в гости их дурацкие приятели.

– Ты уверена?

– Уверена, уверена, – соврала Иджи.

– А Нинни и Джулиан?

– Сказали, что сегодня будут заняты. Ну давай же, Руфь! Сипси уже приготовила нам с собой еду – на двоих, тебе и мне. Если не пойдешь, я спрыгну, и ты будешь виновата в моей смерти. Я буду лежать в могилке мертвее некуда, а ты пожалеешь, что не пошла на какой-то несчастный пикник.

– Ой, ладно, дай хоть оденусь.

– Можешь все не надевать, только выходи скорее. Я жду в машине.

– А мы разве на машине поедem?

– Конечно. Почему бы и нет?

– Ну ладно.

Иджи не стала говорить, что в пять утра прокралась в комнату Джулиана и стянула у него из кармана штанов ключи от машины. Вот почему надо было поскорее убраться из дома, пока он не проснулся.

Они поехали к местечку, которое Иджи присмотрела давным-давно: неподалеку от озера Дабл-Спрингс, с водопадом и кристально чистым ручьем, на дне которого лежали коричневые и серые камешки, круглые, как перепелиные яйца.

Иджи достала из машины одеяло и корзинку с едой. Вид у нее был загадочный. Немного погодя она сказала:

– Руфь, если я тебе кое-что покажу, клянешься не рассказывать об этом ни одной живой душе?

– Что значит «кое-что»?

– Клянешься, что не расскажешь?

– Клянусь. А что ты мне хочешь показать?

– Кое-что. – Иджи достала из корзинки пустой стеклянный кувшин и сказала: – Пошли.

Они отправились в глубь леса. Наконец Иджи ткнула пальцем в дерево:

– Вот.

– Что – вот?

– Вон тот большой дуб.

– А-а.

Иджи взяла Руфь за руку, отвела на сто футов от дерева и сказала:

– Теперь стой на месте и, что бы ни случилось, не двигайся.

– А ты что собираешься делать?

– Не важно. Главное, смотри на меня, ладно? И тихо. Чтобы никакого шума, ясно?

Иджи, босая, медленно пошла к дубу, на полдороге она обернулась проверить, смотрит ли Руфь. Не доходя футов десяти до дерева, она снова оглянулась и убедилась, что Руфь смотрит. А потом случилось удивительное. Очень медленно, на цыпочках, она подкралась к дубу, издавая при этом нежное гудение, и сунула руку с кувшином в дупло.

Внезапно Руфь услышала такой звук, будто рядом включили бензопилу. Небо почернело от огромного роя разъяренных пчел, хлынувших из дупла. В одно мгновение Иджи облепили тысячи пчел. Но она стояла как ни в чем не бывало и через минуту медленно вытащила руку с кувшином из дупла и не спеша двинулась обратно, продолжая негромко гудеть. Пока она шла к Руфи, почти все пчелы улетели. Плотный черный слой на глазах распался, и из-под него появилась улыбающаяся Иджи, целая и невредимая, с кувшином, полным дикого меда.

Она протянула кувшин Руфи:

– Вот, мадам, это вам.

Руфь, полумертвая от страха, тихо опустилась на землю и заплакала.

– Я думала, тебе конец! Зачем ты это сделала? Они же могли закусать тебя до смерти.

Иджи поморщилась:

– Ой, только не реви. Ну прости, пожалуйста. Ты что, меда не хочешь? Я же для тебя старалась. Не плачь, ну! Ведь все в порядке, я часто так делаю, и ни разу меня не ужалили. Честно. Ну вставай, дай я помогу тебе, ты вся перепачкалась.

Она достала из заднего кармана брюк некогда голубой платок и протянула Руфи. Руфь никак не могла унять дрожь, но все же поднялась, высморкалась и отряхнула платье.

Иджи хотелось развеселить ее.

– Ты только подумай, Руфь, ведь я никогда раньше не делала этого ради кого-то. И никто на свете, кроме тебя, не знает, что я это умею. Я хотела, чтобы у нас была общая тайна.

Руфь молчала.

– Ну пожалуйста, не сердись на меня!

– Не сердись? – Руфь обняла Иджи: – Ох, Иджи, я не сержусь. Я просто не могу представить, как буду жить, если с тобой что-нибудь случится. Правда!

У Иджи сердце застучало так, что чуть не выскочило из груди.

Когда они съели цыпленка, картофельный салат, печенье и почти весь мед, Руфь прислонилась спиной к стволу, а Иджи положила голову ей на колени.

– Знаешь, Руфь, ради тебя я могла бы убить. Любого, кто тебя обидит, я в тот же миг убью и никогда не пожалею об этом.

– Ой, Иджи, что за ужасы ты говоришь!

– Никакие не ужасы. Мне кажется, лучше убивать из-за любви, чем от ненависти. Ты не согласна?

– Я думаю, что вообще не надо никого убивать, ни по какой причине.

– Ладно, тогда я бы умерла ради тебя. Как ты думаешь, можно умереть ради любви?

– Нет, нельзя.

– А в Библии написано, что Иисус Христос умер ради любви.

– Это другое дело.

– Ничего не другое. Я согласна умереть хоть сейчас. Была бы единственным в мире покойником с улыбкой на лице.

– Не говори глупостей.

– Но я же могла сегодня умереть, разве нет?

Руфь взяла ее за руку и улыбнулась:

– Моя Иджи – заклинательница пчел.

– Я – заклинательница пчел?

– Ты – заклинательница. Я слышала, что такие люди бывают, но видеть не доводилось.

– А это плохо?

– Не-ет, это прекрасно! Разве ты не знаешь?

– Вообще-то я думала, что это со мной что-то не то, может, я психическая какая-то.

– Нет, это замечательно. – Руфь наклонилась и прошептала ей на ухо: – Заклинательница пчел, вот ты кто, старушка Иджи Тредгуд.

Иджи улыбнулась и посмотрела в чистое синее небо, и глаза у нее тоже стали синими. Она была так счастлива, как теплым летним днем могут быть счастливы только влюбленные.

Полустанок, штат Алабама

29 августа 1924 г.

Забавно получается: многие живут рядом с человеком и не замечают, в какой момент они начали его любить. Про себя Руфь знала это с точностью до минуты. Она полюбила Иджи, когда та, улыбаясь, протянула ей кувшин с медом. Чувства, которые Руфь упорно прятала, о которых старалась не думать, внезапно нахлынули на нее, и в этот миг она поняла, что любит. Поэтому и заплакала тогда. Никогда она не испытывала ничего подобного и, скорее всего, больше никогда не испытает.

А теперь, месяц спустя, из-за этого ей приходится уезжать. Иджи совсем девчонка, шестнадцать лет, она вряд ли соображает, что говорит. Она не понимает, о чем просит, умоляя Руфь остаться жить с ними. Но Руфь-то все понимала и сказала себе: уезжай, и чем скорее, тем лучше.

Она не знала, почему ей хотелось быть рядом с Иджи – только с Иджи и ни с кем другим. Хотелось – и все тут. Она молилась об этом, плакала, просила, но, как ни крути, ответ был один: надо ехать домой и выходить замуж за Фрэнка Беннета – молодого человека, с которым она обручена, – и попытаться стать хорошей женой и матерью. Руфь была уверена: что бы Иджи ни говорила, она сумеет себя переломить и заживет нормальной жизнью. И Руфь приняла единственно возможное решение.

Когда она сказала Иджи, что завтра утром уезжает, та просто обезумела. Заперлась в своей комнате и стала бить и крушить все, что под руку подвернется. Весь дом ходуном ходил.

Руфь сидела у себя на кровати, сжав до боли руки, когда в комнату вошла мама.

– Руфь, пожалуйста, пойді к ней, поговори. Ни меня, ни отца она не впускает, а дети к ней идти боятся. Ну пожалуйста, милая, а то вдруг она, не дай бог, что-нибудь с собой сделает.

Они слышали, как что-то упало на пол и разбилось. Мама умоляюще посмотрела на Руфь:

– Она там как бешеный зверь. Ну прошу тебя, пойді, может, тебе удастся хоть немного ее успокоить.

В дверях появилась Нинни.

– Мама, Эсси Ру говорит, что Иджи разбила лампу. – Она взглянула на Руфь, как бы извиняясь. – Думаю, это она из-за твоего отъезда так огорчилась.

Руфь медленно шла по коридору. Джулиан, Милдред, Пэтси Рут и Эсси Ру прятались за дверями своих спален, – только головы торчали с круглыми от страха глазами.

Мама и Нинни остановились в конце коридора. Нинни заткнула уши. Руфь тихонько постучала. Из комнаты донесся вопль Иджи:

– Оставьте меня в покое, черт подери! – И что-то тяжелое ударилось о дверь.

Мама кашлянула и мягко сказала:

– Давайте спустимся в гостиную, пусть они побудут одни.

Дети поспешно скатились по лестнице. Руфь опять постучала:

– Иджи, это я.

– Убирайся!

– Мне надо с тобой поговорить.

– Нет! Оставь меня в покое!

– Пожалуйста, не будь такой.

– А ну отвали от моей двери! Я серьезно! – И что-то опять вдребезги разбилось о дверь.

– Пожалуйста,пусти меня.

– Я сказала, нет!

– Ну пожалуйста, милая.

– Нет!

– Иджи, сию минуту открой эту чертову дверь, слышишь!

Наступила тишина, потом дверь медленно отворилась. Руфь вошла и увидела, что Иджи устроила в комнате настоящий погром. Некоторые предметы были разбиты дважды.

– Ну зачем ты так? Ты же знала, что когда-нибудь мне придется уехать.

– Тогда почему мне нельзя с тобой?

– Я уже объясняла.

– Тогда останься.

– Не могу.

Иджи закричала изо всех сил:

– Почему?!

– Не могла бы ты орать немного потише? Ты пугаешь меня и маму, на весь дом слышно.

– А мне плевать.

– А мне нет. Почему ты ведешь себя как ребенок?

– Да потому что люблю тебя и не хочу, чтобы ты уезжала!

– Иджи, ты с ума сошла? Что люди могут подумать о взрослой девочке, которая ведет себя как не знаю кто?

– А мне плевать! Почему тебе надо выходить замуж за этого парня?

Руфь стала поднимать с пола вещи.

– Я тебе уже объяснила.

– Почему?

– Потому что я хочу этого, вот почему.

– Да ты же его не любишь!

– Люблю.

– Нет, не любишь. Ты любишь меня... сама знаешь. Сама знаешь!

– Иджи, я люблю его и выйду за него замуж.

Иджи, совсем потеряв голову, начала рыдать и кричать:

– Ты врунья, я ненавижу тебя! Лучше бы ты умерла! Не хочу тебя видеть, никогда, никогда! Я тебя ненавижу!

Руфь взяла ее за плечи и сильно встряхнула. Слезы текли по лицу Иджи, она продолжала кричать:

– Ненавижу тебя! Чтоб ты сгнила в аду!

Руфь сказала негромко:

– Прекрати, слышишь? – И неожиданно для себя ударила Иджи по лицу – изо всех сил.

Иджи ошеломленно смотрела на нее и молчала. Они стояли, глядя друг на друга, и больше всего в эту минуту Руфи хотелось прижать ее к себе – как можно крепче. Но она знала, что, если сделает это, тогда наверняка не сможет уехать.

Поэтому она приняла самое трудное решение в своей жизни: повернулась и вышла, закрыв за собой дверь.

Приют для престарелых «Розовая терраса»

Старое шоссе Монтгомери, Бирмингем, штат Алабама

9 февраля 1986 г.

Эвелин принесла коробку тэко[13 - Свернутая горячая маисовая лепешка с начинкой из сыра, лука, рубленого мяса и бобов, с острой подливкой.], которые продавались в трех кварталах от нее, и миссис Тредгуд просто завизжала от восторга.

– Это первая заграничная еда, которую я пробую, если не считать франко-американских спагетти, м-м-м, вкусно. – Она внимательно разглядывала тэко. – А он величиной с гамбургер «Кристалл», правда, похоже?

Эвелин не терпелось услышать, что дальше случилось с Руфью, и она попыталась переменить тему:

– Миссис Тредгуд, а Руфь в то лето все-таки уехала из Полустанка или осталась?

– Точно, они были величиной с бисквитное пирожное, а сверху посыпаны маленькими колечками лука.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Около 0,9 кг. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Название комедийного телесериала 1977–1986 годов.

3

Cloud – облако {англ.}.

4

При крещении баптистский священник окунает человека целиком и некоторое время держит под водой.

5

Программа медицинской помощи неимущим в США.

6

Ежемесячный иллюстрированный журнал для женщин.

7

Комедийный телесериал 1962–1974 годов.

8

Тележурналист, одна из звезд современного американского телевидения.

9

Серия радиопередач 1929–1948 годов о двух неграх, которые пускались на различные ухищрения в поисках дополнительного заработка.

10

1 метр 84 см.

11

113,5 кг.

12

Неточная цитата из Книги пророка Исаии, 9:6.

13

Свернутая горячая маисовая лепешка с начинкой из сыра, лука, рубленого мяса и бобов, с острой подливкой.

Купити: <https://tellnovel.com/fenni-flegg/zharenye-zelenye-pomidory-v-kafe-polustanok-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)